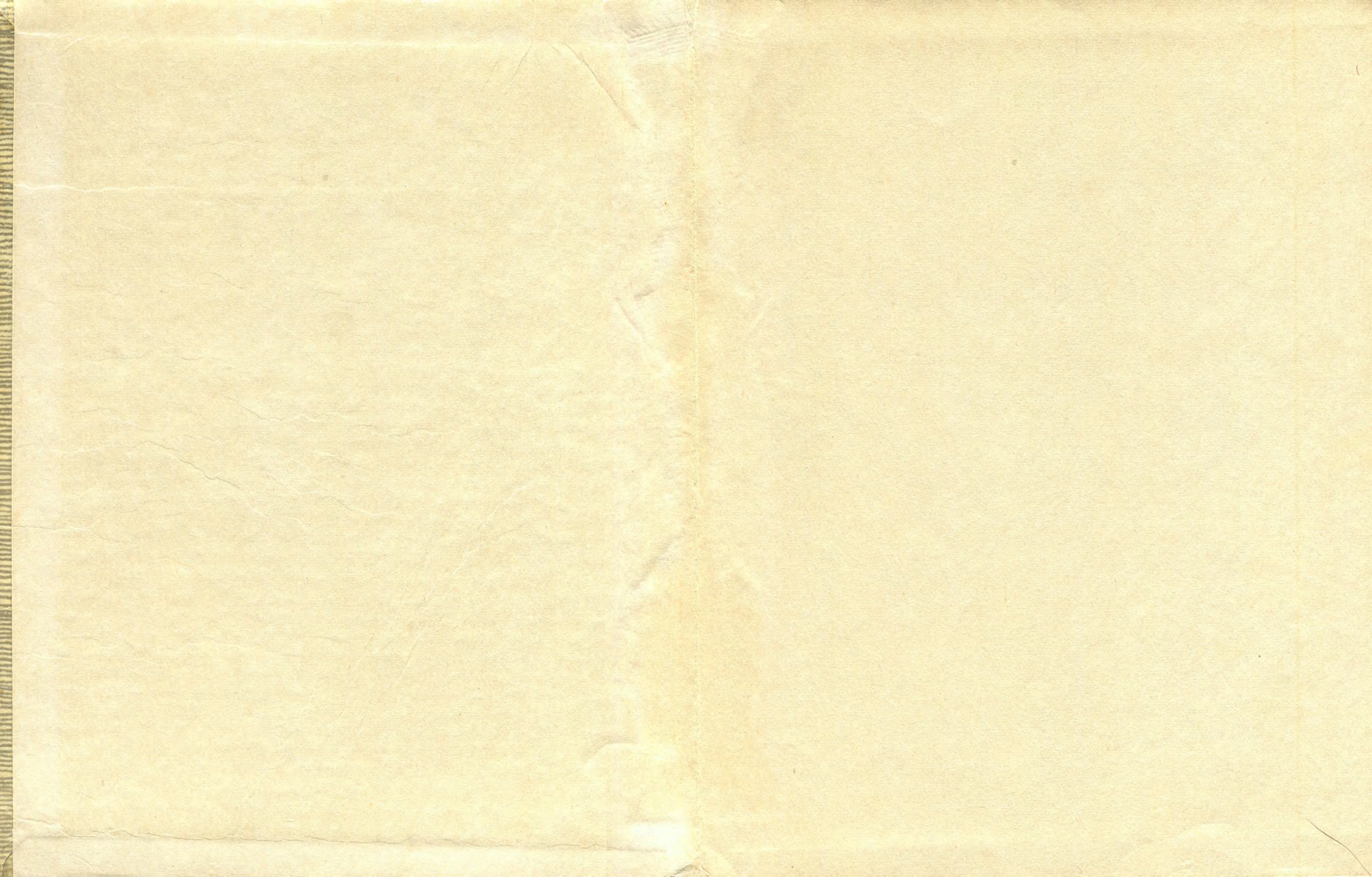

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

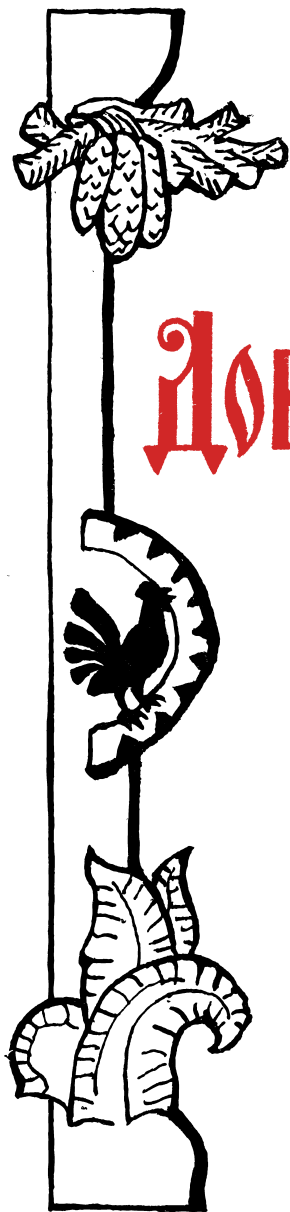

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДОВЫНЯ И ЗЖЕЙ

Десять былин

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1976

РФ
Д57

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

*Составление, подготовка текстов,
вступительная статья и пояснения*
В. П. АНИКИНА

Художник И. Архипов

Д57 **Добрыня и Змей. Десять былин.** Изд. 2-е. Сост.,
подгот. текстов, вступит. ст. и поясн. В. П. Аникина.
Худож. И. Архипов. М., «Дет. лит.», 1976.

112 с. с ил. (Школьная б-ка).

В сборнике представлены признанные образцы русского былинного эпоса. Тексты сопровождаются пояснениями исторического характера.

Д $\frac{70803-379}{M101(03)76}$ 143—76

РФ

РУССКИЙ ЭПОС

Былины пелись и сказывались одновременно. От других народных песен они отличаются грандиозностью, величавостью образов, важностью действия и торжественностью тона. Все эти качества определяются кратким и емким греческим словом «эпос»: это и рассказ, и речь, и стих, и песня. Их соединение стало возможным потому, что эпос возникал на заре народной истории, когда пение и рассказывание еще не стали разными видами художественного творчества. Пение придало рассказу торжественность, а рассказывание так подчинило себе пение, что оно стало казаться существующим именно ради рассказа. Торжественность нужна была для прославления народных деяний. Пение закрепляло в памяти людской мерные строки рассказа, чтобы он точно удержался в памяти.

Эпическая песня представляет героев безупречными, твердыми в правилах нравственной жизни. Герой защищает достоинство, честь и человеческие права народа, и он беспощаден ко всем, кто покушается на свободу человека, будь это иноземец-враг или соотечественник-угнетатель. Идеалы эпоса рождались не вдали от повседневных забот, а в людской борьбе, в столкновениях племен и народов. Вот почему эти идеалы историчны.

Былины возникли как выражение исторического сознания нашего народа в раннюю эпоху существования древнерусского государства, когда главными городами на Руси были Киев и Новгород, а Москва только-только основалась как небольшое поселение и еще не играла в жизни народа и государства своей роли. Все упоминания о Москве появились в былинах позднее, когда русский эпос уже сложился.

Действие былин происходит чаще всего в Киеве и Новгороде, реже — в Чернигове, Ростове, Муроме или в других столь же известных древних городах. Русь и тогда, в ту далекую от нас эпоху, вела оживленную торговлю с соседями. Поэтому в былинах упоминается знаменитый путь «из Варяг в Греки»: Днепр, Волхов, Ладожское озеро,

Нева-река, Варяжское (ныне Балтийское) море. Сказителям былин известно о существовании земли Веденецкой (скорее всего Венеции), богатого Индийского царства, Царьграда, Ближнего Востока.

Историки культуры находят в эпосе черты старинного быта: из былин можно узнать об устройстве древних городов, их башен, о росписи и украшениях в теремах, о нарядной одежде женщин и воинском оружии, составе дружин и боевом порядке полков, об устройстве ладьи, о сохе, об игре на гусях, о свадебных порядках и о правилах благочестия.

Все это делает былину ценнейшим источником для изучения народной истории. Однако всего важнее то, что былины донесли до нас думы, мысли и чувства народа давно миновавшего времени. В памяти удерживалось все самое важное, что имело цену и в жизни поздних поколений.

Редкий из крестьянских мальчиков в старое время не играл в богатырей. Богатырские подвиги сохраняли всю власть над душой человека и тогда, когда мальчик превращался в парня, затем — в отца семейства, в седобородого деда. Старому человеку было что рассказать о своей жизни и еще более — о жизни тех, кто в эпических песнях стапывал полчища врагов, корчевал лес, расчищал землю под пашню, ходил за море, спасал от гибели русских пленников. Эпос был не только исторической памятью, но и умом народа, сводом его нравственных правил. И в этом главная ценность былин.

Нашему взору в эпосе предстает строгий и суровый воин-богатырь Добрыня Никитич. Он избавил Русь от чудовища («Добрыня и Змей»). Приехавший из Мурома к князю Владимиру Красное Солнышко богатырь Илья ревниво бережет свою честь воина-крестьянина, — ему Русь обязана избавлением от Соловья Разбойника, что сидел у речки Смородины и посвистом-покриком губил все живое («Илья Муромец и Соловей Разбойник»). Алеша Попович хотя и уступал Илье и Добрыне в силе и доблести, но и он не потерпел оскорбления, которое нанес Тугарин Змеевич Руси и чести великого князя («Алеша Попович и Тугарин Змеевич»). Верен богатырскому долгу и совсем юный герой — двенадцатилетний отрок Михайло, который удивил и отца, опытного воина, и князя Владимира свершением подвига — победил Уланища («Михайло Данилович»). Под стать этим богатырям и князь Глеб Володьевич: с дружиной он нагрянул в Корсунь — порт на Черном море, чтобы освободить захваченные русские корабли («Глеб Володьевич»). Здесь названы только те немногие, взятые для этой книги былины, которые в науке получили название героических.

В других былинах интерес сосредоточен на действии, хотя тоже величественном и грандиозном, но все же ином. Иногда эти былины называют новеллами. Это произведения на бытовые сюжеты. Встретились на пашне князь и пахарь, и оказалось, что пахарь сильнее князя: крестьянский труд по тяжести поставлен выше ратного («Вольга

и Микула Селянинович»). Из-за моря приехал свататься к киевской княжне знатный и богатый жених; дело сладилось, хотя ему едва не помешал недостойный противник жениха («Соловей Будимирович»). Лихая женщина из Новгорода обманула князя Владимира и вызволила из темницы своего мужа. Певцы этой былины смеялись над князем («Ставр Гоудинович»). Гуслир попадает на дно моря, и под его игру Морской царь начинает плясать — поднимается буря и тонут на море корабли («Садко»). От скоморошьей игры во гудочек, в золотой переладец-дудку загорелось царство царя Собаки и сгорело от края до края («Вавило и скоморохи»). Народное искусство понято как великая сила: поднимаются волны, испепеляются царства. Так сами творцы эпохи осознали влияние своего искусства на жизнь. Перед этим искусством благоговели великие русские художники: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. М. Горький, А. А. Блок.

Чудо былинного искусства возникает от сочетания простых и, в сущности, немногих присмов. Былинное действие разворачивается медленно и спокойно. Певцы часто повторяют значительные по размеру эпизоды. Особенно любим ими прием тоекратного повторения. Так, в былине рассказывается, что Садко трижды играет в гусли на берегу Ильмень-озера и трижды от его игры вода в озере колеблется. Повторения обнаруживаются и в словесном стиле былины — повторяются слова, предлоги, целые стихи: «Прямоезжая дорожка заколодела, заколодела дорожка, замуравела», «Из-за моря, моря синего», «Да у той ли у березы у покляпыя, да у той ли речки у Смородины» и пр. Случается, что повторение сопровождается отрицанием противоположности: «Встра нет, да тучу нанесло, тучи нет, да будто дождь дождит, а й дождя-то нет, да только гром гремит...». Былины тверды в повторении постоянных эпитетов к различным предметам: красный (о солнце, золоте), белый (о березе, дне, лебеди, руках, груди, снеге, шатре и пр.), серый (о волке, селезне), желтый (о песке), синий (о море), зеленый (о лугах) и др.

Можно заметить, что певцы былин предпочитают яркие краски — не полутона, а главные цвета. Этот народный вкус выразился и в народной одежде, в раскраске глиняных игрушек, в росписи стен и потолков теремов. Эпитеты часто содержат историко-бытовые указания: на терема златоверхие, на печку муравлену и сейчас еще можно поглядеть — их охраняют как памятники старины в разных уголках нашей страны.

Постоянным приемом былинного повествования бывает противопоставление: мать наказывает Добрыне не купаться во Пучай-реке, а богатырь не слушается; Илья велит Соловью Разбойнику свистать-кричать в полсвиста, в полкрика, а тот свистнул-крикнул в полную силу.

Все в богатырях и в их деяниях величаво, крупно, размашисто, широко. Богатыря отличает величайшая физическая сила: он и ест

и пьет как существо необыкновенное — выпивает единым духом чару в полтора ведра. Богатыри бьются-рубятся с недругами по двенадцать дней «не пиваючи, не едаючи», бьют в бою тяжелой палицей налево и направо, так что враги валятся, как подкошенная трава. Эти сознательные преувеличения человеческой силы — прием гиперболы — в былинах средство прославления героя: физическая сила всегда была в почете у народа. Могучи не только богатыри, но и их противники: Тугарин глотает по целой ковриге хлеба, выпивает зараз чару вина не меньшую, чем богатырь. Певцы указывали на трудность победы над таким чудовищем.

Былинный стих особенный. Началу и концу каждого стиха придает-ся важное значение.

Из тогó ли то из гóрода из Мúрома,
Из тогó селá да Карачáровá
Выезжáл удáленький дорóдный дóбрый мóлодец.

Здесь устойчиво ударение только на некоторых слогах: на третьем слоге от начала стиха и на третьем слоге от конца, да, кроме того, ударным всегда бывает самый последний слог независимо от фонетической ударности. Чтобы выдержать это правило, певцы нередко растягивают и растягивают слова в конце стиха: «Птица черный ворон не пролётывáт...» (вместо: пролетывает), «Во том гнездышке да соловьиноём...» (вместо: соловьином). С этой же целью в стих вставляются дополнительные слоги — чаще всего междометия «А й вéли тко князю ты Владíмиру...». Что же касается середины стиха, то здесь постоянного места для ударения нет, колеблется и число их. Такая организация делает стих былины гибким, хорошо приспособленным для передачи живых разговорных интонаций.

Рифмы в былине нет, но все же соседние стихи нередко становятся созвучными в морфологически однородных окончаниях слов: перескакивать — перемахивать; улетаются — осыпаются; по-писанóму — поученóму, и пр. Кроме этого, в былинном стихе обычны внутренние созвучия — повторения отдельных звуков, например: «Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному...» — здесь повторяются звуки «з» и «р».

Важную роль в былинах играет повторение синтаксически одинаково построенных стихов:

Не слышал ли посвиста соловьего,
Не слышал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

Три стиха одинаковы — это придает им законченность, а законченность соответствует живой разговорной интонации.

Мелодия былинных напевов связана с интонациями выразительной речи. Пение былины успокаивает слушателя, гармонируя с мерным повествованием о событиях далекой истории. Красоту напевов давно

оценили композиторы. Их использовали в операх и симфонических произведениях М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. С. Аренский. Торжественное пение былин в древности сопровождалось игрой на гусях. Музыканты считают, что гусли — весьма подходящий инструмент для подыгрывания медленным эпическим песням: мягкие звуки гуслей не заглушали певца и располагали слушателей к восприятию быliny.

* * *

В сборнике представлены признанные образцы русского эпоса. Быliny сопровождаются пояснениями. Словарь местных и старинных слов находится в конце книги: он поможет верно понять трудные места. Впервые прочитавший быliny откроет для себя огромный мир Древней Руси. Богатыри и их деяния всегда будут восхищать нас. Эпос — величайшее искусство нашего народа.

В. П. Аникин

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да й Никитичу-то матушка наказывала:
— Ты не ездика далече во чисто поле,
На тую горú да сорочинскую *¹,
Не топчи-ка млáдых змеенышей,
Ты не выручай-ка пóлонов да русских,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке *,
Та Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечет!

А Добрыня своей матушки не слушался.
Как он едет далече во чисто поле,
А на тую на горú сорочинскую,
Потоптал он млáдых змеенышей,
А й повыручил он пóлонов да русских.

¹ Объяснение слов, отмеченных звездочкой, см. после текста былин.

Богатырско его сердце распотелось,
Распотелось сердце, нажаделось —
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня да ко Пучай-реке,
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цветное,
Да забрел за струечку за первую,
Да он забрел за струечку за среднюю
И сам говорил да таковы слова:
— Мне, Добрынюшке, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, маменька й наказывала:
Что не ездика далече во чисто поле,
На тую гору на сорочинскую,
Не топчи-ка младых змеенышей,
А не выручай пблонов да русскихих,
И не куплись, Добрыня, во Пучай-реке,
Но Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечет!
А Пучай-река — она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождёвая!

Не успел Добрыня словца смолвити —
Ветра нет, да тучу нанесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А й дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да свищет молния —
А как летит Змеище Горынище*
О тыех двенадцати о хоботах.
А Добрыня той Змеи не приужахнется.

Говорит Змея ему проклятая:
— Ты теперича, Добрыня, во моих руках!
Захочу — тебя, Добрыня, теперь потоплю,
Захочу — тебя, Добрыня, теперь съем-сожру,
Захочу — тебя, Добрыня, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыня, во нору снесу!

Припадает Змея как ко быстрей реке,
А Добрынюшка-то плавать он горазд ведь был:

Он нырнет на бережок на тамошний,
Он нырнет на бережок на здешний.
А нет у Добрынюшки добра коня,
Да нет у Добрыни платьев цветных —
Только-то лежит один пухов колпак,
Да насыпан тот колпак да земли греческой*;
По весу тот колпак да в целых три пуда.

Как ухватил он колпак да земли греческой,
Он шибнет во Змею да во проклятую —
Он отшиб Змеи двенадцать да всех хоботов.

Тут упала-то Змея да на ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку он был поверток,
Он скочил на змеиные да груди белые.
На кресте-то у Добрыни был булатный нож —
Он ведь хочет распластать ей груди белые.
А Змея Добрыне ему взмолилася:
— Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:
Тебе не ездити далече во чисто поле,
На тую на горю сорочынскую,
Не топтать больше младых змеенышей,
А не выручать полонов да русских,
Не купаться ти, Добрыне, во Пучай-реке.
И мне не летать да на святую Русь,
Не носить людей мне больше русских,
Не копить мне полонов да русских.

Он повыпустил Змею как с-под колен своих —
Поднялась Змея да вверх под облако.

Случилось ей лететь да мимо Киев-града.
Увидала она князеву племянницу,
Молодую Забаву дочь Потятичну,
Идучи по улице по широкой.
Тут припадает Змея да ко сырой земле,
Захватила она князеву племянницу,
Унесла в нору да во глубокую.

Тогда солнышко Владимир стольно-киевский
А он по три дня да тут былиц клика́л *,
А былиц кликал да славных рыцарей:
— Кто бы мог съездить далече во чисто поле,
На тую на гору сорочинскую,
Сходить в нору да во глубокую,
А достать мою, князеву, племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну?

Говорил Алешенька Левонтьевич:
— Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты накинь-ка эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича:
У него ведь со Змеею заповедь положена,
Что ей не летать да на святую Русь,
А ему не ездить далече во чисто поле,
Не топтать-то млáдых змеенышей
Да не вёручать по́лонов да русских.
Так возьмет он князеву племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну,
Без бою, без драки-кроволития.

Тут солнышко Владимир стольно-киевский
Как накинул эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съездить далече во чисто поле
И достать ему князеву племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну.

Он пошел домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречает государыня да рódна матушка,
Та честна́ вдова Офимья Александровна:
— Ты эй, рождёно мое дитяtko,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
Ты что с пиру идешь не весел-де?
Знать, что место было ти не по́ чину *,
Знать, чарой на пиру тебя приобнесли
Аль дурак над тобою насмеялся-де? —

Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ты эй, государыня да рódна матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Место было мне-ка пó чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
Да дурак-то надо мной не насмеялся ведь,
А накинул службу да великую
А то солнышко Владимир стольно-киевский,
Что съездить далече во чистó полé,
На тую горú да на высокую,
Мне сходить в нору да во глубокою,
Мне достать-то князеву племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну.

Говорит Добрыне рódна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
— Ложись-ко спать да рано с вечера,
Так утро будет очень мудрое —
Мудренее утро будет оно вечера.

Он вставал по утрушку ранёшенько,
Умывается да он белёшенько,
Снаряжается он хорошохонько.
Да идет на конюшню на стоялую,
А берет в руки узду он да тесьмяную,
А берет он дедушкова да ведь добрá коня́.
Он поил Буркá питьем медвяным *,
Он кормил пшенóй да белояровой *,
Он седлал Буркá в седёлышко черкасское,
Он пóтнички да клал на пóтнички,
Он на пóтнички да кладет войлочки,
Клал на войлочки черкасское седёлышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих пóдпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра мóлодца в чистом поле не вырутил.
Пóдпруги былі шелкóвые,
А шпеньки у пóдпруг всё булатные,
Пряжки у седла да красна золота —

Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржа́вееет,
Мóлодец-то на коне сидит да сам не стáреет *.

Поезжал Добрыня сын Никитинец,
На прощанье ему матушка да плетку подала,
Сама говорила таковы слова:
— Как будешь далече во чистóм полé,
На тый горы да на высокия,
Потопчешь млáдых змеенышей,
Повыручишь пóлонов да русских,
Как тьи-то млáдые змееныши
Подточат у Буркá как они щеточки,
Что не сможет больше Бúрушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Ты возьми-ка эту плеточку шелкóвую,
А ты бей Буркá да промежý ногí,
Промежý ногí да промежý ушí,
Промежý ногí да мéжу задние, —
Станет твой Бúрушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать —
Ты притопчешь всех да до единого.

Как будет он далече во чистóм полé,
На тый горы да на высокия,
Потоптал он млáдых змеенышей.
Как тый ли млáдые змееныши
Подточили у Буркá как они щеточки,
Что не может больше Бúрушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинец
Берет он плеточку шелкóвую,
Он бьет Буркá да промежý ушí,
Промежý ушí да промежý ногí,
Промежý ногí мéжу задние.
Тут стал его Бúрушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех да до единого.

Выходила как Змея она проклятая
Из ты́и норы да из глубокия,
Сама говорит да таковы слова:
— Ах ты, э́й, Добрынюшка Никитинец!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал мла́дых змеенышей,
Почто выручал по́лоны да русские?

Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ах ты, э́й, Змея да ты проклятая!
Черт ли тя нес да через Киев-град,
Ты зачем взяла князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну?
Ты отдай же мне-ка князеву племянницу.
Без боя, без драки-кроволития.

Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
— Не отдам я тебе князевой племянницы
Без боя, без драки-кроволития!

Заводила она бой-драку великую.
Они дра́лись со Змеею тут трой́и сутки́,
Но не мог Добрыня Змею перебить.
Хочет тут Добрыня от Змеи отстать —
Как с небес Добрыне ему глас гласит:
— Молодой Добрыня сын Никитинец!
Дрался со Змеею ты трой́и сутки́,
Подерись со Змеей еще три часа:
Ты побьешь Змею да ю, проклятую!

Он подрался со Змеею еще три часа,
Он побил Змею да ю, проклятую, —
Та Змея, она кровью пошла.
Стоял у Змеи он тут трой́и сутки́,
А не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крови́ отстать,
Но с небес Добрыне опять глас гласит:
— Ах ты, э́й, Добрыня сын Никитинец!
Стоял у крови́ ты тут трой́и сутки́ —

Постой у крові да еще три часа,
Бери свое копьё да мурзамецкое *
И бей копьём да во сырú землю,
Сам копыю да приговаривай:
«Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!»

Расступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.

Тогда Добрыня во нору пошел,
Во ты́ в норы да во глубокие.
Там сидит sóрок царей, sóрок царевичей,
Сóрок королей да королевичей,
А простой-то силы — той и сметы нет.
Тогда Добрынюшка Никитинец
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
— Вы идите нынь туда, откель принéсены.
А ты, мóлода Забава дочь Потятична, —
Для тебя я эдак теперь странствовал —
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву
А й ко ласковому князю ко Владимиру.

И повез молодú Забаву дочь Потятичну.

* * *

«Добрыня и Змей» — одна из древних былин. Она еще близка сказке: подобно Ивану — третьему младшему брату, Добрыня бьется с чудовищем и освобождает девицу из плена. Однако в отличие от сказки в былинке Добрыня ослушался матери и хотя попадает в беду, но побеждает чудовище. Богатырь прославлен как герой, для которого сказочные заповеди уже ничего не значат. В сказках Иван выручает из плена либо мать, либо сестру, либо невесту — Добрыня освобождает из плена племянницу киевского князя и вместе с нею огромный русский полон, тем самым подвигу богатыря придается не семейное, а государственное значение.

Прообразом богатыря Добрыни многие ученые считают дядю великого киевского князя Владимира Святославича. Исторический Добрыня

не раз упоминается в летописях как участник событий X века: крещения Новгорода, похода князя Владимира на Полоцк и др.

Былину пели не только крестьяне, но и слепцы-нищие, исполнители религиозных песен. Они внесли в былину некоторые свои изменения: богатырь побивает чудовище колпаком земли греческой, то есть головным убором странников в Византию (Восточную греческую империю); Добрыня слышит в бою глас с неба и волею высших судеб одолевает Змею. Все же народная мысль о личном мужестве Добрыни сохранилась. Былина осталась образцом героических песен.

На тую горю да сорочинскую... — Возможно, речь идет о последних отрогах Уральского хребта. Недалеко от Бузулука находится древнее село-крепость Сорочинское. Некогда в этих местах жили волжские болгары, покоренные хазарами. В X веке русские разбили хазар, а до этого платили им дань. Добрыня побил Змею как раз в этих местах.

Пучай-река — небольшая река Почайна, в которой, по преданию, крестили киевлян; протекала на месте современного Крещатика.

Змеище Горынище — обычный персонаж народных сказок. В былине чудовище олицетворяет собой насильника — внешнего врага.

Колпак да земли греческой... — головной убор странника по святым местам; насыпанный землей, он превращен в метательное оружие.

Былиц кликал. — *Былица* — знахарка, гадающая по травам (от слова «былье» — корень, растение). Владимир хочет знать, куда унесена Забава, и для этой цели зовет к себе былиц.

Место было ти (тебе) не по чину... — Места за столом у князя распределялись между приглашенными по родовитости. Возникали обиды и ссоры из-за места, если приглашенный считал, что его усадили не «по чину». Это черта более поздняя, чем время сложения былины.

Питье медвяное славилось в старину как лучший хмельной напиток, оно готовилось из сотового меда. Ценились также «ставленные» меды, которые готовили из свежих спелых ягод.

Пшена белояровая — просо, кукуруза; в сказках и былинах — конский корм.

Молодец-то на коне сидит да сам не стареет. — Стих мог быть заимствован из былины о Ставре, где герой похваляется слугами, которых часто меняет — держит только молодых: поэтому они «не стареют».

Копье мурзамецкое. — *Мурза* — татарский князь; *мурзамецкое* — татарское, восточное вообще.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.

Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки чернým чернó,
А й чернým-чернó, как чёрна вóрона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добрóm конé никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый мóлодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколóдела,
Заколóдела дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добрóm конé никто да не проезживал.

Как у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова *.
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпáются,
Темны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы́ лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра́ коня́ да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы́ на́ гору стал перескакивать,
С холмы́ на́ холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березе ко покляпя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпáлись,
Темны лесушки к земле все приклонилися.

Его добрый конь да богатырский
А он на корни́ да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец *
Берет плеточку шелковóвую в белú рукú,
А он бил коня да по крутым ребра́м,
Говорил-то он Илья таковы слова:

— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на́ корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый *,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею *,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремячку булатному,
Он повез его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнездушка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.
Больша дочка — эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела как другая дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет батюшка раздольцем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,

Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею.

Говорила-то й она да таковы слова:
— А й же мужевья наши любимые!
Вы берите-ко рогатины звериные *,
Да бегите-ко в раздольице чистó полé,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Да и бежали-то они да й во чистó полé
Ко тому ли к мужичище-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахáрною,
Да вы пойте его питьецем медвянным,
Да й дарите ему дáры драгоценные!

Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А й зовут мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.

Да й мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чистú полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.

Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со божьей церквй,

Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пятú он дверь-то поразмахивал *,
Крест-от клал он по-писáному,
Вел поклоны по-ученому,
На все нá три, на четýре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным *.

Тут Владимир-князь стал мóлодца выпрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый мóлодец,
Тебя как-то, молодцá, да именём зовут,
Величают, удалóго, по отечеству?

Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,

Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту поклепую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгáешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у поклепыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы улетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпáются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накиннул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казáка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
— Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во пóлсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во пóлкрика звериного.

Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахáрные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленá вина.
Я повыпью-то как чару зеленá вина —
Мои раночки кровавы поразбóйдутся,
Да й уста мои сахáрны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зеленá вина.
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к Разбойнику. —

То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скорёнько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкóй,
Выпил чарочку ту Соловей одним духóм.

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покрíвились,
А окóленки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то лóдушек — так все мертвý лежат.
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько садился на добрá коня,
А й он вез-то Соловья да во чистó полé,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молóдых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

А тут Соловью ему й славу поют *,
А й славу поют ему век пó веку!

* * *

Между Северо-Восточной Русью (с городами Владимиром, Сузда-
лем, Рязанью, Муромом) и Поднепровьем (великий стольный Киев
и прилегающие к нему земли) стояли непроходимые леса. Лишь в се-
редине XII столетия через лесные дебри проложили дорогу — с Оки

к Днепру. До этого приходилось объезжать леса, направляясь в верховья Волги, а оттуда — к Днепру и по нему — к Киеву. Однако и после того, как прямоезжая дорога была проложена, многие предпочитали прежний окольный путь. Прямая дорога была беспокойной, на ней грабили и убивали. Именно эту дорогу через дремучий и опасный лес Илья Муромец и выбрал для поездки в Киев. Подвиг Илья наполнен особым смыслом для своего времени. Помехи свободному проезду, чинимые на дороге, были тяжелым злом. Илье Муромцу оказалось под силу то, что не мог сделать даже князь Владимир. Тем самым народ ясно указал на то, кто был подлинным творцом мощи и единства Русской земли. Подвиг и сила богатыря-крестьянина составляет основу великого деяния на пользу Руси.

Русь того времени предстает как государство, в пределы которого вторгаются иноземцы — стоит «силушка» под Черниговом. Илья тоже победил ее. Его звали в город воеводой, но он отказывается: его дело служить не какому-либо одному городу, а всей Руси. Народ стоит за единую Русь без разделения на отдельные княжества.

Как у той ли то у Грязи-то у Черной... — Местоположение не установлено. Недалеко от Курска есть село Смородинное. В том же Курско-Орловском крае есть места, именуемые Грязью. Этими местами мог ехать Илья Муромец. Река Смородина вместе с тем и сказочна. Кресты ставили над могилами умерших в дороге.

Старый-от казак да Илья Муромец... — Именование Илья казаком появилось в былинах поздно: возможно, в XVI веке.

Лук разрывчатый. — Эпитет «разрывчатый» означает качество: добрый лук при спускании тетивы издавал резкий звук — разрывал воздух.

Око со косицею. — *Косица* — висок и надбровье.

Рогатины звериные — копыта с широким железным обоюдоострым лезвием. Рогатина названа звериной — охотничьей, а существовали еще рогатины и боевые.

На пятю он дверь-то поразмахивал... — распахивал настежь. *Пята* — нижний угол двери у стены, на этом месте находится шип, вставленный в гнездо.

Князья подколennые — младшие. *Колено* — род, племя; здесь — родственники.

А тут Соловью ему й славу поют... — Петь славу означало прославлять, воздавать хвалу. Здесь иронический смысл.

Из славного Ростова красна города
Как два ясные сокола вылётывали —
Выезжали два могучие богатыря:
Что по имени Алешенька Попович млад
А со мóлодым Якимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремено в стремено богатырское.

Они ездили-гуляли по чисту́ полю,
Ничего они в ч́истом по́ле не наезживали,
Не видали они птицы перелетныя,
Не видали они зверя рысучего.
Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие,
Промежу́ тех дорог лежит горю́ч каméнь,
А на ка́мени подпись подписана.

Взговорит Алеша Попович млад:
— А и ты, братец Яким Иванович,
В грамоте поучёный человек,
Посмотри на ка́мени подписи,
Что на ка́мени подписано.

И скочил Яким со добра́ коня́,
Посмотрел на ка́мени подписи.
Расписаны дороги широкие:
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога — в Чернигов-град,
Третья — ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Яким Иванович:
— А и братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,

¹ Былина дается в сокращении.

Ко ласкову князю Владимиру. —
В те поры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву...

А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне
И на все четыре стороны.

Говорил им ласковый Владимир-князь:
— Гой вы еси *, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут —
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловать.

Говорит тут Алеша Попович млад:
— Меня, осударь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного.

В те поры Владимир-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
По отчеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь.

Не садился Алеша в место большее
И не садился в дубову скамью —
Сел он со своим товарищем на палатный брус *.

Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота

Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большее,
И подле него сидела княгиня Апраксеевна.
Тут повары были догадливы —
Понесли яства сахарные и питья медвяные,
А питья всё заморские,
Стали тут пить-есть, прохладатися.

А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет —
Те ковриги монастырские *,
И нечестно Тугарин питья пьет —
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.

И говорит в те поры Алеша Попович млад:
— Гой еси ты, ласковый осударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесанный?
Нечестно у князя за столом сидит *,
Княгиню он, собака, целует во уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается.
А у моего сударя-батюшки
Была собачища старая,
Насилу по подстолю таскалася,
И костью та собака подавилася —
Взял ее за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!—
Тугарин почернел, как осенняя ночь.
Алеша Попович стал как светел месяц.

И опять в те поры повары были догадливы —
Носят яства сахарные и принесли лебедушку белую.
И ту рушала княгиня лебедь белую *,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцем, под стол опустила,
Говорила таковы слова:
— Гой еси вы, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,

Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!

Он, взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще ту ковригу монастырскую.

Говорит Алеша на палатном брусѹ:
— Гой еси, ласковый осударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван сидит?
Что за дурак неотесанный?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест —
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего сударя-батюшки,
Федора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя *,
От того она лопнула.
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!

Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул кинжалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него.
Подхватил кинжалище Яким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
— Сам ли бросаешь в него или мне велишь?
— Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь.
Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове. —

В те поры князья и бóяра
Скочили на резвы́ ногі
И все за Тугарина поруки держат:
Князья кладут по сто рублей,
Бояре по пятьдесят, крестьяне по пяти рублей;
Тут же случилися гости купеческие —
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывал владыка черниговский.

В те поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра́ коня,
Поднялся на бумажных крыльях * по поднебесью летать.
Скочила княгиня Апраксеевна на резвы́ ногі,
Стала пенять Алеше Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому!

В те поры Алеша не слушался,
Взвился с товарищем и вон пошел,
Садился на добрых коней,
Поехали ко Сафáт-реке *,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зеленý луга.

Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
— Создай, боже, тучу грозную,
А и тучу-то с градом-дождя!

Алешины молитвы доходчивы —
Дает господь бог тучу с градом-дождя.
Замочило Тугарину крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру́ землю.

Приходил Яким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.

И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра́ коня́,
Взял одну сабельку острую
И поехал к Тугарину Змеевичу.

Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алеша, копьем заколю?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад.
Бился ты со мной о велик заклад
Биться-драться един на́ един,
А за тобою ноне силы — сметы нет. —
Оглянется Тугарин назад себя —
В те поры Алеша подскочил, ему голову срубил.
И пала голова на сыру́ землю́, как пивной котел.

Алеша скочил со добра́ коня́,
Отвязал чембур от добра́ коня́
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру́ коню́,
И привез в Киев-град на княженецкий двор,
Бросил среди двора княженецкого.

И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алешы и стол пошел *.

Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал *.
Пожалуй, ты живи в Кieve,
Служи мне, князю Владимиру,
Дблюби тебя пожалуйю.

В те поры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верой и правдою.
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретином!..

То старина, то и деяние.

* * *

Для исторического истолкования былины решающее значение имеют летописные известия о храбрце XIII века Александре Поповиче. Доказано, что рассказ тверского летописца о подвигах известного в Ростовской земле Александра Поповича своим источником имел какие-то местные предания. Имя Александра в уменьшительной форме Алекса совпадает с именем богатыря. Былина ничего не говорит о подвигах героя на службе у ростовского князя. Певцов занимали не дела Александра Поповича как участника княжеских междоусобий, а деяния его как общерусского богатыря. Как и Илья Муромец, Алеша Попович приезжает в Киев из Северо-Восточной Руси. На ростани у камня богатырь выбирает дорогу в столицу. Для народа и Алеши киевский князь — глава единой Русской земли.

В былине непривлекательным предстает образ великой княгини Апраксии, а Алеша выведен блюстителем семейной чести великого князя. Богатырь мстит за оскорбление, которое Тугарин наносит достоинству Руси. В Тугарине ученые видят половецкого князя XI века Тугор-кана, родственника киевских князей. Однако самое событие, о котором говорится, отнесено к более позднему времени.

Гой вы еси — пожелание здоровья, приветствие, приблизительно соответствующее сегодняшнему «Будьте здоровы!». *Гой* от слова «гойть» — исцелять, живить, ухаживать.

Сел он со своим товарищем на палатный брус. — Палати (полати) в избе — это высокий помост у печи до противоположной стены. На палатях во время праздников сидели дети. Алеша скромно садится в самое незаметное место.

Ковриги монастырские — большие караваи хлеба, их пекли для монашеской братии.

Нечестно у князя за столом сидит... — ведет себя неблагопристойно.

Рушала княгиня лебедь белую... — резала жареную лебедь.

Брага пресная — то есть не забродившая, еще не готовая к употреблению.

Поднялся на бумажных крыльях... — Крылья Тугарина были названы бумажными не ранее XVIII века, когда в быт вошли тканевые (бумажные) безрукавные накидки от дождя. Полы накидки назывались крыльями.

Сафат-река. — В Палестине есть Иосафатова долина. Паломники по святым местам — и они же певцы духовных стихов — перенесли название на несуществующую реку.

Тут для Алеши и стол пошел. — Владимир устроил пирование в честь победы Алеши над Тугарином.

Час ты мне свет дал. — Час — сейчас, теперь; *свет дал* — Владимир говорит, что почувствовал облегчение, избавившись от Тугарина.

МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ

Как во славном-то во городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Заводилось пированьице, почестен пир.

А и все на пиру да напивались,
А и все на честнóм да приедались,
Да и все на честнóм ведь прирасхвастались:
А иной же то хвастал широкím двором,
А другой-от-то ведь хвастал золотой казной,
А новóй-от-то хвастал добрым конем,
Да другой-то хвастал силою могучею;
Только глупый-от ведь хвастал молодой женой.

И сидит молодец, да он не пьет, не ест,
А не пьет да он, не ест, да он не кушает,
И ничем же мóлодец да ведь не хвастает,
И повесил мóлодец да буйну голову —
Еще нá имя Данила свет Игнатъевич.

Еще это князю Владимиру не показалось.
По сэреду кирпичному он запохáживал,
Да он белыми руками заразвáживал,
Да он желтыми кудрями запотрýживал:
— А что же ты, Данилушко Игнатъевич,
А не пьешь, да ты не ешь, да ты не кушаешь,
И ничем же ты, Данила, ведь не хвастаешь?

Тогда стал тут Данила на резвóй ногóй,
Тогда кланялся Владимиру до сырой земли:
— Еще чем мне-ка, Владимир-князь, да ведь хвастати?
И двора-то у меня широкого не было,
Золотой у меня казны ведь не случилось,
А и сила-то была ведь во мне ровная.
Ведь служил я у тебя пятьдесят годов,
Да убил я тебе ведь пятьдесят царёв,
А мелкой силы убил — да той сметы нет.

Теперь от роду мне стало девяносто лет *:
Ты пусти-тко, пусти, Владимир, в монастырь пречёстные,
Да во те ли пусти во кельи во низкие,
Да спасти мне-ка, спасти да душу грешную!

А ответ держал Владимир-князь:
— Ой, нельзя, нельзя пустить тебя, Данилушка:
Еще некому делать ведь защиту всему Киеву.

И во второй раз просил Данилушка Игнатъевич:
— Да пусти же ты, Владимир, в монастырь пречёстные
Да во те-то ты пусти во кельи низкие,
Да спасти мне-ка, спасти да душу грешную! —
Говорил же тут Данила да Игнатъевич:
— А и будет те ограда белокаменная,
Да и будет те защита всему Киеву:
Есть ведь у меня да сын Михайлушка.

И тогда пустил его Владимир в монастырь пречёстныя
Да во тыи-то пустил во кельи низкие.

А узнали тут как те цари неверные,
Что во Киеве богатыри ушли в монастыри *,
Приходил тогда туда неверный царь,
Приносил ведь он книгу настольную *,
Еще требует, собака, поединщины.

Выходил Владимир-князь да на высоко крыльцо,
Да смотрел Владимир-князь да во все стороны:
У собаки ведь силы-то в чистом полё,
Будто облако ходячее, нагонено.
И тогда Владимир-князь зачал почестен пир
Что на всех князей, на всех бояр.
Да на всех полениц-то удалых,
Еще на весь-то народ да православныйй.

Дак и все на пиру-то напивались,
Да и все ведь на честном да наедались.

Говорил тогда Владимир-князь в первой након:
— Уж вы ой еси, князья мои бояре,
Да вы ой еси, поленицы да удалые,
Еще весь-то вы народ да православный!
А и кто бы то ведь съездил да в чисто поле
Да пересчитывать силы неверные?

А и в тую пору было, в то время —
Большой ведь хоронится за среднего,
Еще средний-от хоронится за младшего,
А от младшего Владимиру ответа нет.

Говорил ведь Владимир во второй након,
Да и говорил ведь он и во третий након.
А и в тую пору было, в то время
Выходил тут дородный добрый молодец
Из-за того стола ведь белодубова,
Еще на имя Михайло да Данилович.
Понизешенько он Владимиру поклоняется,
Помалешеньку ко Владимиру подвигается:
— Ты пусти-тко, пусти, Владимир-князь, в чисто поле
Пересчитывать-то ведь силы неверные.

А ответ таков держал ему Владимир-князь:
— Ой же ты, Михайло да Данилович,
А и возрастом-то ведь ты же есть малешенек,
Да и разумом-то ты же есть глупешенек,
Тебе от роду, Михайло, те двенадцать лет,
Потеряешь ты, брат Михайло, свою голову.

А и то ведь Михайле да не показалось.
Еще скоро он пошел по седы кирпичной.
Широко отворял он двери на пята,
Запирал он тыи двери крепко-накрепко,
А двери-то на щепочки рассыпались,
Да и двери-то ведь те да покололись,
И вся эта палата зашаталась,
Да едва эта палата не разрушилась.

Еще скоро он пошел да на широкий двор,
Да скорее того пошел он к своей матери.
Да седлал, да он уздам да лошадь добрую.
И поехал наш Михайло во чисто поле,
В чисто поле поехал, он раздумался,
Что не съездил к своему родителю,
Что не взял от него благословенья-то полного.

Поворачивал добра коня ко монастырю пречестному
Да ко тем ли да ко кельям низким.
А в тую пору мать сыра земля да зазыбалася,
Старо старчище Данилище засовалося:
— А не мой ли ведь приехал да Михайлушка?
А куда, Михайло, едешь, куда путь держишь?
— Еду ведь я, бачко, да во чисто поле
Пересчитывать-то ведь силы неверные.

Ответ держал старо старчище Данилище:
— Этая-то должность не твоя бы есть,
Не спустил бы я тебя да во чисто поле,
И тая заповедь положена тяжелая,
Да и застава положена великая *:
Тебе от роду, Михайло, те двенадцать лет,
Да потеряешь ты, Михайло, свою голову.

А и то ведь как Михайле да не показалося,
Скоро поворачивал добра коня во чисто поле.
И рычал то старо старчище Данилище гласом громким:
— Стой-ко ты, Михайло, да удержи коня,
Да возьми-ка от меня благословенье полное.
А поедешь ты, Михайло, во чисто поле,
Выедешь ты на шеломя на окатисто,
А по-русскому, на гору да на высокую,
Да кричи-ка ты, Михайло, во всю голову,
Еще требуй-ка ты Бурушка косматого:
«Ай который же служил ты мойму батюшке,
Послужи-ка теперь сыну Михайлушке».

Прибежит тут конь да ведь косматыи,
Стоит он на горе да на высокоя.
Да отмерь-ка ты, Михайлушка, как пять локоть
И копай-ко ты, Михайло, мать сырú землю,
Да во сторону копай да ты в восточную,
А и тут сбруя да ведь богатырская.

Тогда выехал Михайло на шеломя окатисто,
Да кричал Михайло во всю голову,
Еще требовал он Бурушка косматого:
— Ай который же служил ты моему батюшке,
Послужи-ка ты теперь сыну Михайлушке!

Да отмерил тут Михайло как ведь пять локоть *,
Да во сторону копал да он восточную,
И копал Михайло да мать сырú землю,
Находил он тут всю сбрую богатырскую,
И тогда уж он поехал во чисто поле.
Забренчала его палица боёвая,
Засвистела его сабля, сабля острая...

Только в тую было пору, в то время
Добрый конь у Михайла провёщился:
— Бей-ко ты, Михайло, силу с крайчику,
Не заёзжай-кося, Михайло, в силу в ма́тицу *:
А и копают тут уланове * три погреба,
А три погреба копают тут глубокие
И становят тут в погреб копыя острые.
Еще первый-от я погреб так перескочу,
Еще дрúгой-от я погреб ведь перескочу,
А третьего мне-ка погреба не перёскачить.

И бьет Михайло тут коня по тучным бедрам:
— Ах ты конь, мой конь, травяной мешок,
Не хочешь ты послужить мне-ка времени малого!

Да начал коня приправлять во силу да в ма́тицу:
Первой-то погреб его конь перескочил,

Да и дру́гой-от он погреб ведь перескочил,
А третьего-то погребя не перескочил —
И упал ногами он да задними,
Уронил Михайла он в глубо́к поgréб;
Только не пал тот на ко́пья острые.

Набиралися уланове поганые
Да вязали ведь его за руки белые
Да теми петлями ведь шелко́выми
И ковали, ковали да во железа тяжелые,
Ведь резвы́ ногы́ ковали Михайловы,
И повели-то его ко царищу ко Уланищу.

Только молится Михайло спасу с богородицей:
— Ты не дай-кося меня поганим на пору́ганье,
Буду я служить да с ве́ка по́ веку...

А тогда ведь у Михайлы вдвое-втрое силы прибыло,
Разорвал он петли-то шелко́вые
Да сломал железа он тяжелые,
Ухватил он ведь о́слядь тележную
Да и по́чал ведь он ослиа́дю помахивать:
Как вперед-то он махнет — так тут-то улица.
А назад-то отмахнет — так переулочек.

И узнала тут его ко́нь-лошадь добрая,
Прибегала со всей со сбруей богатырскою,
И садился тут Михайло на добра́ коня́,
Да и начал он силы пересчитывать,
Пересчитывать тут силы с крайчику,
Да полонить те силы тут да с края на край.
И поехал он к царищу ко Уланищу,
И отсе́к царищу он да буйну голову...
Сам он голове-то удивляется:
— Ведь ушища-то у царища — будто блюдища,
А глазища-то у царища — будто чаши пивные,
А носище-то у царища — будто палица боёвая.

Так и едет тогда Михайло по чисту́ полю,
И ходит тут-то старо старчище Данилище

Да со той ли со клюкою со железною,
Еще тая-то клюка да сорока пудов,
А старик-от сам ведь приговáривáт:
— Ой же вы еси, уланове поганые,
А убили у меня вы сына Михайлушка!

Тут приехал сам Михайло близ его,
Да кричал ему он гласом громким:
— Что ты еще, старой, тут-то делаешь?

А ответ держал старо старчище Данилище:
— Ой же ты, улановин поганья,
Да подвинься-то сюда да ко мне, старому,
Так рассеку я тя клюкой и с конем нáдвое!

А скричал Михайло гласом громким,
Еще громким он гласом да ребячим:
— Стой-кося ты, монах, да удержи клюку.
Приздыни-тка ты свой колпак шелкóвья *,
Тогда да увидишь кого надобно.

Приздынул монах колпак шелкóвья,
Подъезжал тогда Михайло близ его,
Тут, во-первых, опознал своего Бурушка,
Во-вторых, опознал сына Михайлушка.
— Ты куда, Михайло, едешь, куда путь держишь?

— Еду я, бачкó, ведь во Киев-град.
Был же я ведь, бачкó, во несчасти:
Пересчитывал я силы ведь поганые,
В глубокий погреба ездил — убит не был...
Да поди-тко ты, бачкó, во монастырь пречéстных
Да моли-тко ты бога по-прежнему,
А сам-от я поеду во Киев-град.

Да во Киев-град заехал не воротами —
Через стену заехал он городóвую,
Через башню он заехал наугольную
И вязал коня к кольцу он золочёному.

Выходил тогда Владимир со Апраксией
И дивились голове-то тут улановой.

Так тогда уж вот завелся там почестен пир,
Что на всех князей пир, на бояр-то ведь,
Да на всех и полениц-то удалых.

* * *

Богатырь-малолетка Михайла Данилович совершает подвиг, который поразил не только князя, но и Данилу Игнатьевича — в прошлом бывалого воина. Богатырь не ведает робости — не внимает предупреждениям своего вешего коня; и хотя предсказание сбывается, но все же герой побеждает врагов. Сложение былины относят к XII веку. Академик Б. А. Рыбаков связал былинку с боевым сражением русских сил против половцев под Лубном: «...Мы должны взглянуть на карту театра военных действий: Хорол течет в 40—45 километрах от Лубна, в глубине половецких степей; весь водораздел Сулы и Хорола, особенно ближе к последнему, изрезан глубокими балками и оврагами... Русская легкая конница — «молодь», «стрельцы», на которых обычно возлагалась погоня (и в числе которых должен был быть молодой отрок Михайлушка), неизбежно должна была встретиться с трудностями скачки по пересеченной неизвестной местности, где так легко было расположить ханский лагерь за оврагами — «перекопами» (Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. Изд-во Акад. наук СССР. М., 1963, стр. 117).

Теперь от роду мне стало девяносто лет... — Раньше певец назвал Данилу Игнатьевича «молодцом». Это — бессознательное следование певца обыкновению так именовать всякого богатыря.

Что во Киеве богатыри ушли в монастыри... — Ушел один богатырь, а говорится обо всех. Либо речь идет о том, что с Данилой постриглись в монахи и другие воины, либо это оговорка певца, который понаслышке знал о том, что в монастырь уходили и другие воины.

Приносил ведь он книгу настольную... — Вероятно, речь идет о какой-то гадательной книжке, по которой неверный царь решил избрать для поединка удобное и счастливое для себя время и место.

Да и застава положена великая... — Слово «застава» здесь имеет смысл — обет, обязательство, запрет.

Локоть — мера длины от конца среднего пальца до локтевого сгиба.

Не за́езжай-кося, Михайло, в силу в ма́тицу... — *Ма́тица* — главная потолочная балка, проходящая посередине. Конь советует Михайлу не заезжать в самую гущу врагов, в середину их.

Ула́нове — конные войны с копьями. Отсюда имя царя — Уланище.

Приздыни-тка ты свой колпак шелко́выя... — Речь идет о кlobуке Данилы, ставшего монахом. Богатырь говорит отцу, чтобы тот приподнял (приздынул) кlobук и признал его.

ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ

А как падала погодушка да со синя́ моря,
А со синя́ морюшка с Корсу́нского *
А со дождями-ти, с туманами.
А в ту-ту погоду в синёмóрскую
Заносила тут неволя три чернёных три-то ко́рабля
Что под тот под славён городок под Корсунь же,
А во ту-то всё во гавань всё в Корсунскую.

А во том-то городе во Корсуни
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и ни королевича.
Как ни князя не было и ни княжёвича:
Тут жила-была Маринка дочь Кайдаловна...

Они как ведь в гавань заходили — брала пошлину,
Паруса ронили — брала пошлину,
Якоря-то бросали — брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали — брала пошлину,
А как в шлюпочки садились — брала пошлину,
А к мосту приставали — мостову́ брала *,
А как по́ мосту шли — да мостову́ брала,
Как в тамо́жню заходили — не протамóжила *.
Набирала она дани-пошлины немножко-немало — сорок тысячей.
А да взяла она трой рука́вочки *,
Что да те трой рука́вочки, трой перчаточки;
А как эти перчаточки а не сшиты были, не вязаны,
А выш́иваны те были красным золотом,
А высаживаны дорогим-то скатным жемчугом,
А как всажено было камень самоцветное;
А как первы те перчатки во пятьсот рублей,
А други те перчатки в целу тысячу,
А как третьим перчаткам цены не было;
Везены́ эти перчатки в подареньицо
А тому же ведь князю все Володьему.

Обирала эти черны корабли * она начисто,
Разгонила она трех младых корабельщиков

А как с тех с черных с трех-то кораблей,
Она ставила своих да крепких сторожей.

А как корабельщички ходят по городу по Корсуню,
Они думают-то думушку заединую,
Заедину ту думушку промежду собой.
А да что купили они чернил, бумаг,
А писали они да ерлыки те скорописчаты
Что тому же князю Глебову Володъему:
«Уж ты гой, ты князь да Глеб, ты сын Володъевич!
Уж как падала погодушка со синя моря,
Заметало нас под тот же городок под Корсунь же.
А во том же было городе во Корсуни
Ни царя не было, ни царевича,
Ни короля-то не было и ни королевича,
А ни князя не было и ни княжевича;
Как княжила Маринка дочь Кайдаловна...
А мы как ведь в гавань заходили — брала с нас ведь пошлины,
А ведь как паруса ронили — брала пошлину,
Якоря те бросали — брала пошлину,
Шлюпки на воду спускали — брала пошлину,
Уж мы в шлюпочки садились — брала с нас ведь пошлину,
А как к плоту приставали — плотово брала,
А ведь как по мосту шли — так мостово брала,
А в таможду заходили — не протаможила.
Да взяла она дани-пошлины сорок тысячей,
А взяла у нас трои перчаточки;
Везены были тебе, да князю, в подареньицо:
А как первы те перчатки во пятьсот рублей,
А вторы те перчатки в целу тысячу,
А третьим перчаткам цены не было».

Они скоро писали, запечатали,
Отослали князю Глебову Володъему.

А тут скоро пришли ерлыки к ему,
Он их скоро распечатывал, просматривал.

Как его же сердце было неуступчиво;
Разъярилось его сердце богатырское.
А он скоро брал свою-то золоту трубу разрывчату*,
Выходил-то скоро на красно крыльцо косящато,
Он кричал-то, зычал зычным голосом,
Зычным голосом да во всю голову:
— Уж вы гой еси, дружины мои хоробрые!
Уж вы скоро вы седлайте-уздайте добрых коней,
Уж вы скоро, легко скачите на добрых коней,
Выезжайте вы скоро да во чисто поле.

А как услышала его дружья-братья-товарищи*,
Они скоро-то добрых коней да собирали же,
Выседлали-уздали они добрых коней,
Да скоро садились на добрых коней,
А из города поехали не воротами,
Не воротами-то ехали не широкими,
А скакали через стену городобую,
Выезжала-се дружина на чисто поле,
А как съехалось дружины тридцать тысячей.

Выезжал-то князь Глеб-сударь Володьевич
Со своими дружинниками хоробрыми.
Прибирал он дружью ту, дружины все хоробрые,
Чтобы были все да одного росту,
А да голос к голосу да волос к волосу;
А из тридцать тысяч только выбрал триста добрых молодцов, —
Их-то голос к голосу да волос к волосу:
— Уж вы поедемте, дружина моя хоробрая,
А ко тому-то славному городу ко Корсуню,
А ко той же ти Маринке дочери Кайдаловне...

А как садились они скоро на добрых коней,
А поехали они путем-дорогою.

Как доехали они до города до Корсуня,
Становил-то Глеб своего добра коня:

— Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая!
Соходите вы скоро ведь со добрых коней,
Становите вы шатры полотняны,
А да спите-тко, лежите во белых шатрах,
А держите караулы крепкие и строгие;
Уж вы слушайте: неровно-то зазвенит да моя сабля,
Заскрипят да мои плечи богатырские —
Поезжайте-тко ко городу ко Корсуню,
А скачите вы через стену городовую,
Уж вы бейте-ка по городу старого и малого,
Ни единого не оставляйте вы на семена.
Я как поеду топерече ко городу ко Корсуню,
К той Маринке дочери Кайдаловне.

Подъезжает Глеб под стену ту,
Да под ту же башню наугольную,
Закричал-то он да зычным голосом:
— Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачем ты обрала у меня черны корабли,
Ты зачем же у меня сгонила с кораблей моих трех-то корабельщиков
А начто поставила да своих караульщиков?

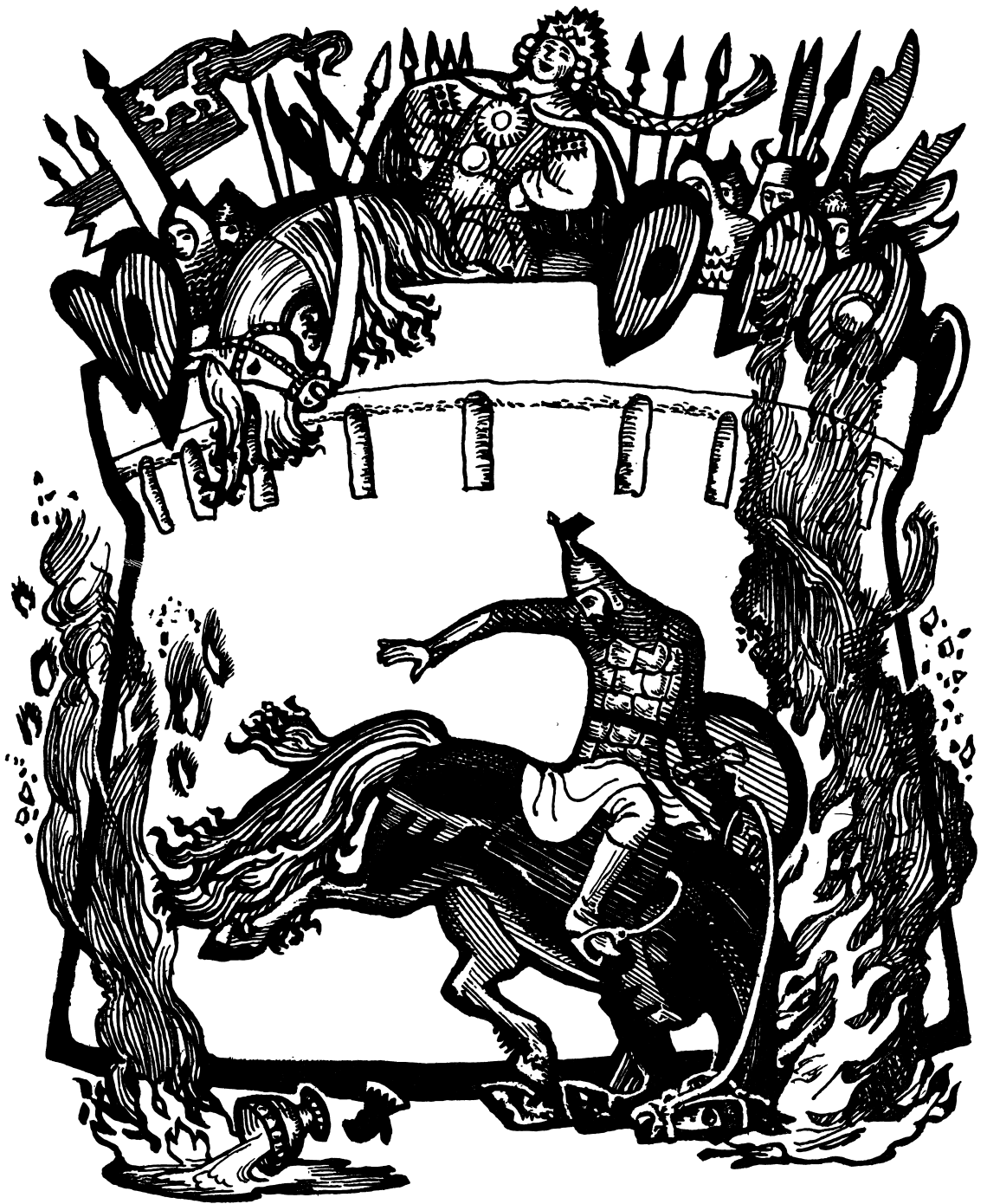
Услыхала Маринка дочь Кайдаловна;
Скоро ей седлали-уздали всё добра коня,
Выезжала она на ту же стену городовую:
— Здравствуй-ко, Глеб ты князь да сын Володьевич!
— Уж ты здравствуй-ка, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачем ты у меня взяла мои-то три-то корабля,
А сгонила моих трех-то корабельщиков со кораблей?
— Уж ты гой еси, ты, князь да сын Володьевич!
Я отдам тебе три черненых три-то корабля,
А да только отгани-тко * три мои загадки хитромудрые, —
Я отдам тебе-то три черненых корабля.
— Только загадывай ты загадки хитромудрые, —
А как буду я твои загадочки отгадывать:

— А как перва та у меня загадка хитромудрая:
Еще что же в лете бело, да в зимы зелено? —

Говорит-то Глеб да таковы речи:
— Не хитра твоя мудра загадка хитромудрая,
А твоей глупе загадки на свете нет:
А как в лете-то бело — господь хлеб дает,
А в зимы-то зелено — да тут ведь ель цветет.
— А загану тебе втору загадку хитромудрую:
А да что без кореньица растет да без лыж катится?
— Без кореньица растут белы снеги,
А без лыж-то катятся быстры ручьи.
— Загану тебе третью загадку хитромудрую:
А как есть у вас да в каменной Москве,
В каменной Москве да есть мясна гора;
А на той на мясной горе да кипарис * растет,
А на том кипарисе-дереве сокол сидит.
— Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
Не хитра твоя загадка хитромудрая,
А твоей загадочки глупе на свете нет:
Как мясна та гора — да мой ведь добрый конь,
Кипарис-дерево — мое седлышко,
А как соловей сидит-то * — я, удалый добрый молодец.
— Я топерече отсыплю от ворот да пески, камешки *,
А сама-то я, красна девица, за тебя замуж иду.

Как поехала Маринка с той стены да белокаменной,
Приезжала к себе да на широкий двор,
Наливала чару зеленá вина да в полтора ведра,
А да насыпала в чару зелья лютого,
Выезжала на ту же стену городóвую,
Подавала Глебушку она чару зеленá вина:
— Уж ты на-тко на приезд-от чару зелена вина!

А как принимается-то Глеб да единой рукой,
Еще хочет он пить да зелена вина;
А споткнулся его конь на ножечку на правую,
А сплескал-то чару зелена вина
А да на тою да гриву лошадиную, —
Загорелась у добра коня да грива лошадиная.

А как тут да Глеб испугался же,
А бросал-то чару на сыру землю;
Еще как тут мать сыра земля да загорелася.

А как разъярилось его сердце богатырское,
А стегал он добра коня да по крутым бедрам;
Как поскачет его конь во всю-ту прыть да лошадиную,
А как скакал с прыти его добрый конь да через стену городобую,

А сугит-то ее, Маринку, среди двора,
А отсек тут ей, Маринке, буйну голову;

А как тут Маринке и смерть пришла,
Смерть пришла ей да среди двора.

* * *

По мнению одних ученых, былина воспроизводит поход Владимира Мономаха вместе с новгородским и тьмутараканским князем Глебом Святославичем на Корсунь в 70-х годах XI столетия, чтобы устранить там притеснения, творимые русской торговле. По мнению других ученых, былина говорит о походе Володаря Ростиславича, внука новгородского князя Владимира Ярославича.

Художественный интерес былины сосредоточился на ходе событий, последовавших за решением Глеба наказать Маринку. В былине столкнулись люди разного характера: прямодушный и открытый князь, не терпящий несправедливости, и коварная женщина, вынашивающая тайный умысел погубить Глеба. Лестью и притворной покорностью Маринка чуть не погубила князя. Только случайность спасла его. Симпатии народа и певца на стороне князя. Образ Маринки напоминает других коварных обольстительниц в эпосе.

А со сѣня морюшка с Корсѹнского...— Корсунское море — Черное море у древнего Херсонеса (недалеко от Севастополя). В средние века торговый порт служил перевалочным пунктом.

А к мосту приставали — мостовѹ брала... — Мост — причал. Мостовая пошлина — пошлина за позволение пристать к причалу.

Как в таможня заходили — не протамѹжила. — В таможнях взималась пошлина — оплата за товары, вывозимые и ввозимые в страну.

Маринка взимает грабительскую пошлину; «не протаможила» — то есть не упустила возможности взять самую высокую оплату.

А да взяла она трой рукавочки... — Эпизод не выдуман: в уплату таможенники действительно брали рукавицы и варежки — об этом есть свидетельства северорусских грамот. Вымысел состоял лишь в том, что рукавицы в былые необычайно дороги, украшены самоцветами, жемчугом.

Черны (черенные) корабли — корабли, построенные из «черного» леса: дуба, ясеня.

Золота труба разрывчата. — Эпитет «разрывчатый» уместен, когда речь идет о луке, употребление его здесь неоправданно.

Дружья-братья-товарищи. — Возможно, «дружья» — это друзья, но, судя по смыслу, речь идет о дружинниках.

Отгани-тко — отгадай-ка.

Кипарис. — Древесина кипариса отличалась прочностью и ценилась. Седло иносказательно названо кипарисом потому, что имело деревянный остов, обтянутый кожей.

А как соловей сидит-то... — Иносказание жених-сокол перешло в другое — жених-соловей; здесь эти иносказания равнозначны.

Я топерече отсыплю от ворот да пески, камешки... — В случае осады крепостные ворота города изнутри засыпали песком и приваливали камнями.

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мóлодой Вольгá,
Мóлодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга растётъ-матерётъ,
Похотелоя Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под óболока,
Серым волком рыскáть да по чистýим полям.
Уходили все рыбы во синíи моря,
Улетали все птицы за óболока,
Ускакали все звери во темнýи леса.

Как стал тут Вольга растёт-матерёт,
Собирал себе дружинишку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков нелёгченных.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.

Повыехали в раздольице чистó полé,
Услыхали во чистом поле орáтая,
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешки по камешкам почиркивают.

Ехали-то день ведь с утра дó вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра дó вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до пáбедья.
А наехали в чистом поле оратая.

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пенье-коренья вывертывает,
А большие-то каменя в борозду валит.
У оратая кóбыла солóвая,
Гужики у нее да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, ора́тай-ората́юшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовать,
А бороздки тебе да пометывати,
А пенья-коренья вывертывати,
А большие-то каменя в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
— Поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна божья помочь крестьянствовать.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?

Тут прогóворил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да рóдной дядюшка,
Рóдной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут прогóворил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тебя в речке да во Смородине!

Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три мехá,
Каждый мех-то был ведь по сто пуд...
А тут стали мужички с меня грошей просить,
Я им стал-то ведь грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит *.

Тут прогóворил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ты поедем-ко со мною во товарищах.

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелкóвые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.

Как хвост-то у ней расстиляется,
А гривá-то у нее да завивается.
У оратая кобыла стúпью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла *,
А Вольгин конь да остается.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст. —

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут мблодой Вольга Святославович
Посылает-от дружинушку хоробрую
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,

Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Кабы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Кабы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы!

Тут проговорит Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скірды сложу,
Я во скірды сложу да домой выволочу*,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»

Певцы этой былины внушали своим слушателям уважение к тяжелому труду землепашца. Микула пашет на необыкновенной сохе, гужи у него шелковые, омешики булатные, присошечек серебряный, рогачик из красного золота. На пахаре сапоги «зелен сафьян», кафтан черного бархата, на голове у него пуховая шляпа. Былина напоминает величальную песню: как при величании, пахарь назван по имени и отчеству. Прославлению Микулы-пахаря служит и рассказ о превосходстве Микулы над Вольгой и его дружиной.

Ученые давно обратили внимание на подробности пахоты Микулы в поле — как он сохой пенья-коренья вывертывает, валит в борозду большие камни: «Это точная картина северной пахоты — в губерниях Новгородской, Псковской, Олонецкой и др., где пашни иногда сплошь усеяны валунами, то мелкими, о которых постоянно почеркивают омешики сохи, то крупные, которые приходится огибать при пахании. Только соха чудесного пахаря Микулы Селяниновича могла великие камни вывертывать и в борозду валить. Вывертывание корнейев также указывает на северные нивы, расчищенные среди леса, а не на привольные, обширные пахотные пространства на южном черноземе» (Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I, М., 1897, стр. 168—169). На этом и других основаниях заключили о северно-русском характере былины.

Который стоя стоит, тот сидя сидит, который сидя сидит, тот и лежа лежит. — Кто стоял, тот стал сидеть, кто сидел, тот стал лежать.

У оратая кобыла грудью пошла... — Кобыла пошла грунью — тихой рысью.

Я во скірды сложу да домой выволочу...— Микула говорит, что свезет, выволочит снопы, свезет их волоком, сложив на длинные жерди, в которые будет впряжена его лошадь.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, океан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты Днепровские!

Из-за моря, моря синего,
Из глухоморья зеленого,
От славного города Лёденца *,
От того-то царя ведь заморского
Выбегали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, как один корабль,
Славного гостя богатого
Молода Соловья сына Будимировича.

Хорошо корабли изукрашены,
Один корабль получше всех:
У того было сокола у корабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу камению, по яхонту;
Вместо бровей было прибivano
По черному соболю якутскому,
И якутскому ведь сибирскому;
Вместо уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вместо ушей было воткнуто
Два востра копия мурзамецкие;
И два горностая повешены,
И два горностая, два зимние;
У того было сокола у корабля
Вместо гривы прибivano
Две лисицы бурнастые;
Вместо хвоста повешено
На том было соколе-корабле
Два медведя белые заморские;
Нос, корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному *.

Бегут ко городу Киеву,
К ласкову князю Владимиру.

На том соколе-корабле
Сделан муравлен чердак *.
В чердаке была беседа — дорог рыбий зуб *,
Подернута беседа рытым бархатом;
На беседе-то сидел купав молодец *,
Молодой Соловей сын Будимирович.

Говорил Соловей таковы слова:
— Гой еси вы, гости-корабельщики,
И все целовальники любимые!
Как буду я в городе Киеве,
У ласкова князя Владимира,
Чем мне-ка будет князя дарить,
Чем света жаловати?

Отвечают гости-корабельщики
И все целовальники любимые:
— Ты славный богатый гость
Молодой Соловей сын Будимирович!
Есть, судáрь, у вас золота казна,
Сорок сороко́в черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц;
Есть, судáрь, дорогá камка́,
Что не дорогá ка́мочка — узор хитер:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Ерусáлима *,
Замыслы Соловья Будимировича;
На злате, на сéребре — не по́гнется.

Прибежали корабли под славный Киев-град,
Якори метали в Днепр-реку,
Сходни бросали на крут бережок,
Товарную пошлину в тамошне платили
Со всех кораблей семь тысячей,
Со всех кораблей, со всего живота.

Брал Соловей свою золоту казну,
Сорок сороков черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц,
Пошел он ко ласкову князю Владимиру.

Идет во гридню во светлую,
Как бы на пята́ двери отворялися,
Идет во гридню купав молодец
Молодой Соловей сын Будимирович,
Владимиру-князю кланяется,
Княгине Апраксеевне в особицу,
И подносит князю свои дорогí подарочки:
Сорок сороков черных соболей,
Вторые сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку́ бело-хрущатую,
Не дорогá ка́мочка — узор хитер:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Ерусáлима,
Замыслы Соловья сына Будимировича;
На злате и серебре — не по́гнется.

Князю дары полюбилися,
А княгине наипаче того.

Говорил ласковый Владимир-князь:
— Гой еси ты, богатый гость,
Соловей сын Будимирович!
Заимей двory княженецкие,
Заимей ты боярские,
Заимей двory и дворянские.

Отвечает Соловей сын Будимирович:
— Не надо мне двory княженецкие,
И не надо двory боярские,
И не надо двory дворянские;
Только ты дай мне загон земли,
Непаханной и неóбранной,
У своей, государь, княженецкой племянницы,
У молодой Забавы Путятичны,

В ее, государь, зеленом саду,
В вишенье, в орешенье
Построить мне, Соловью, снаряжен двор.

Говорил судáрь ласковый Владимир-князь:
— О том я с княгинею подумаяю.

А подумавши, отдавал Соловью загон земли,
Непаханной и неоранной.
Походил Соловей на свой червлен корабль,
Говорил Соловей сын Будимирович:
— Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите к Забаве в зеленый сад,
Постройте мне снаряжен двор,
В вишенье, в орешенье.

С вечера, позднѣм-позднѣ,
Будто дятлы в дерево пощелкивали,
Работала его дружина хоробрая.
Ко полуночи и двор поспел:
Три терема златоверховаты,
Да трое сеней косящатых,
Да трое сеней решетчатых,
Хорошо в теремах изукрашено:
Нá небе солнце — в тереме солнце;
Нá небе месяц — в тереме месяц;
Нá небе звезды — в тереме звезды;
Нá небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили к заутрене,
Ото сна-то Забава пробуждалася,
Посмотрела сама в окошечко косящатое
В вишенье, в орешенье,
Во свой ведь хороший во зеленый сад, —
Чудо Забаве показалось:
В ее хорошем зеленом саду
Что стоят три терема златоверховаты.

Говорила Забава Путятична:
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красные сенные девушки!
Подьте-ка, посмотрите-ка,
Что мне за чудо показалось
В вишенье, в орешенье?

Отвечают нянюшки, матушки
И сенные красные девушки:
— Матушка Забава Путятична!
Изволь-ка сама посмотреть:
Счастье твое на двор к тебе пришло.

Скоро-то Забава наряжается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-то шубе три тысячи,
А пуговики в семь тысячей.
Пошла она в вишенье, в орешенье,
Во свой во хорош во зеленый сад;
У первого терема послушала —
Тут в тереме щелчйт-молчит:
Лежит Соловьева золота казна.
Во втором тереме послушала —
Тут в тереме потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, всё молитву творят:
Молится Соловьева матушка
Со вдовами честными, многоразумными.
У третьего терема послушала —
Тут в тереме музыка гремит.

Тут входила Забава в сени косящатые,
Отворила двери на́ пятау,
Больно Забава испугалася,
Резвы ноги подломилися,
Чудо в тереме показалось:
На́ небе солнце — в тереме солнце;
На́ небе месяц — в тереме месяц;
На́ небе звезды — в тереме звезды;

На́ небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Подломились ее ноженьки резвые;
В ту пору Соловей, он догадлив был,
Бросил свои звончаты гусли,
Подхватывал девицу за белы́ ручки:
— Чего-де ты, Забава, испугалася?
Мы-то оба на возрасте!

— А и я де девица на выданье,
Пришла-то сама за тебя свататься!

Тут они и помолвили,
Золотыми перстнями поменялися.
Проведала его Соловьева матушка,
Честна́ вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу играть отсрочила:
— Съезди-ка за моря синие,
И когда ты там расторгнешься,
Тогда и на Забаве поженисься.

Отъезжал Соловей за моря синие.
В ту пору поехал и голый щап Давид Попов,
Скоро за морями исторгнется,
А скорей того назад в Киев прибежал.

Приходил ко ласкову князю с подарками,
Принес сукно смурое
Да крашенину печатную.
В ту пору князь стал спрашивати:
— Гой еси ты, голый щап Давид Попов!
Где ты слыхал, где видывал
Про гостя богатого, про молодца
Соловья сына Будимировича?

Отвечал ему голый щап:
— Я-то о нем слыхал,

Да и сам подлинно видел в городе Лёденце,
У того царя заморского;
Соловей у царя в протаможье попал *
И за то посажен в тюрьму,
А корабли его отобраны
На его ж царское величество.

Тут ласковый Владимир-князь закручинился,
Скоро вздумал о свадьбе,
Что отдать Забаву за голого щапа Давида Попова.

Тысяцкий — ласковый Владимир-князь,
Сватала — княгиня Апраксеевна,
В поезде — князя и бояре,
Подъезжали ко церкви божьей-то, —
В ту пору в Киев флот пришел
Богатого гостя молода,
Соловья сына Будимировича.
Якори метали во быстрый Днепр,
Сходни бросали на крут-красен бережók.

Выходил Соловей со дружиною
Из сокола-корабля с каликами.
Приходили они ко честной вдове Амелфе Тимофеевне,
Правят челобитье от сына ее, гостя богатого,
От молода Соловья Будимировича,
Что прибыл флот в девяносто кораблей
И стоит на быстром Днепре, под городом Киевом.

А оттуда пошли ко ласкову князю Владимиру
На княженецкий двор
И стали во единый круг.

В ту пору следовал со свадьбою
Владимир-князь в дом свой.
И пошли во GRIDНИ светлые,
Садилися за столы белодубовые,
За яства сахарные
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою.

Тогда ласковый Владимир-князь
Велел подносить вина им заморские
И медá сладкие.
Тотчас по поступкам Соловья опóзнали,
Приводили его ко княженецкому столу.

Сперва говорила Забава Путятична:
— Гой еси, мой сýдарь дядюшка,
Ласковый судáрь Владимир-князь!
Тот-то мой прежний обрученный жених,
Молодой Соловей сын Будимирович.
Прямо, сýдарь, скачу — обещаю столы! *

Говорил ей ласковый Владимир-князь:
— А ты гой еси, Забава Путятична,
А ты прямо не скачи, не бесчести столы!

Выпускали ее из-за дубовых столов,
Пришла она к Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку белую
И пошла за столы белодубовы,
И сели они за яства сахарные на большó местó.

В ту пору ласковый Владимир-князь весел стал,
А княгиня наипаче того,
Поднимали пирушку великую.

* * *

Былина повествует о сватовстве заморского гостя — купца к племяннице киевского князя. Здесь использованы обычные в свадебной поэзии иносказания. Соловей Будимирович просит «загон земли» в Киеве и желает в зеленом саду Забавы Путятичны — «в вишенью и орешенью» строить свой двор. На условном поэтическом языке эти речи означают сватовство. Самое имя Соловья стоит в связи с обычным в свадебных и лирических песнях названием жениха соловьем. По этой причине он и купец — то есть жених. Вместе с тем в былине Соловей Будимирович и настоящий купец. Он торгует за морем и как

завидный жених желанен князю Владимиру. Браки киевских княжен, вывозимых за пределы Руси, укрепляли международные связи Киевского государства, а торговля несла богатство и процветание.

Былина красочна в передаче бытовых подробностей — в рассказе о кораблях Соловья, об украшении терема, о свадебных подарках и пр. Запев былины о высоте поднебесной, глубине океана-моря, широком раздолье и днепровских омутах был использован в опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко».

От славного города Лёденца... — Речь идет о какой-то Венецкой земле, вероятнее всего, это — Венеция; «Леденец» — слегка искаженный «Венедец».

Нос, корма по-туриному, бока взведены по-звериному... — Правдоподобное воспроизведение изогнутой старинной ладьи с изображением зверей на носу и корме.

Муравлен чердак — на палубе помост зеленого цвета (от слова «муравый»).

Беседа — дорог рыбий зуб... — *Беседа* — место под навесом в ладье, украшена резьбой из кости — «рыбий зуб».

Купав молодец — красивый, молодой (от слова «купавый» — белый, чистый).

Хитрости были Царя-града, а и мудрости Ерусалима... — Речь идет о камке, ярко-малиновой шелковой ткани с замысловатыми узорами и, возможно, с изображением символов христианства.

В протаможье попал... — так плохо торговал, что не было чем оплатить таможенную пошлину.

Прямо, сударь, скачу — обещаю столы! — Забава так рада возвращению Соловья, что грозитя выскочить навстречу жениху, чем могла бы опозорить себя и князя Владимира.

СТАВР ГОДИНОВИЧ

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пированье — почестный пир
На многие князи на бояры,
На всех тех гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.
Все на пиру наедалися,
Все на честном напивалися,
Все на пиру порасхвастались:
Иной хвалится добрым конем,
Иной хвалится шелковым портом,
Иной хвалится селами со приселками,
Иной хвалится городами с пригородками,
Иной хвалится родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.

Из тоя из земли Ляховицкия *
Сидел молодой Ставер сын Годинович:
Он сидит за столом, да сам не хвастает.
Испроговорил Владимир стольно-киевский:
— Ай же ты, Ставер сын Годинович!
Ты что сидишь сам да не хвастаешь?
Аль нет у тебя сел со приселками,
Аль нет городов с пригородками,
Аль нет у тебя добрых комоней,
Аль не славна твоя родна матушка,
Аль не хороша твоя молода жена?

Говорит Ставер сын Годинович:
— Хотя есть у меня села со приселками,
Хотя есть города с пригородками,
Да то мне, молодцу, не похвальба;
Хотя есть у меня добрых комоней,
Добры комони стоят, всё не ездятся,
Да то мне, молодцу, не похвальба;
Хоть славна моя родна матушка,
Да и то мне, молодцу, не похвальба;

Хоть хороша моя молода жена,
Так и то мне, молодцу, не похвальба:
Она всех князей-бояр да всё повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет.

Все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:
— Ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Засадим-ка Ставра в погреба глубокие,
Так пушай-ка Ставрова молода жена
Нас, князей-бояр, всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет,
А Ставра она из погреба повыручит!

А и был у Ставра тут свой человек.
Садился на Ставрова на добра коня,
Уезжал во землю Ляховицкую
Ко той Василисте Микуличной:
— Ах ты ей, Василиста дочь Микулична!
Сидишь ты пьешь да прохлаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Как твой Ставер да сын Годинович
Посажен в погреба глубокие;
Похвастал он тобой, молодой женой,
Что князей-бояр всех повыманит,
А солнышка Владимира с ума сведет.

Говорит Василиста дочь Микулична:
— Мне-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить;
Мне-ка силой выручать Ставра — не выручить;
Я могу ли нет Ставра повыручить
Своей догадочкою женскою!

Скорешенько бежала она,
Подрубила волоса по-молодецки-де,
Накрутилася Васильем Микуличем,
Брала дружинишки хоробрыя,
Сорок молодцев удалых стрельцов,
Сорок молодцев удалых борцов,
Поехала ко граду ко Киеву.

Не доедучи до града до Киева,
Пораздернула она хорош-бел шатер,
Оставила дружину у бела шатра,
Сама поехала ко солнышку Владимиру.
Бьет челом, поклоняется:
— Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский
С молодой княгиней со Апраксией!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Ты откудашний, удалый добрый молодец,
Ты коей орды, ты коей земли,
Как тебя именем зовут,
Нарекают тебя по отчеству?

Отвечал удалый добрый молодец:
— Что я есть из земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич-де;
Я приехал к вам о добром деле — о сватанье
На твоей любимыя на дочери.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу — со дочерью подумаю.

Приходит он ко дочери возлюбленной:
— Ах ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал к нам посол из земли Ляховицкия,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич-де,
Об добром деле — об сватанье
На тебе, любимыя на дочери:
Что же мне с послом будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:
— Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!
Речь-поговоря — все по-женскому;

Перески тоненьки — все по-женскому;
Где жуковинья были — тут место знать;
Стегна жмет — все добра бережет.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу посла поотведаю.

Приходит к послу земли Ляховицкия,
Молоду Василью Микуличу:
— Уж ты молодой Василий сын Микулич-де!
Не угодно ли с пути со дороженьки
Сходить тебе во парную во баенку?

Говорил Василий Микулич-де:
— Это с дороги не худо бы! —
Стопили ему парну баенку.
Покуда Владимир снаряжается,
Посол той поры во баенке испарился,
С байны идет — ему честь отдает:
— Благодарствуй на парной на баенке!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Что же меня в баенку не подождал?
Я бы в байну пришел — тебе жару поддал,
Я бы жару поддал и тебя обдал.

Говорил Василий Микулич-де:
— Что ваше дело домашнее,
Домашнее дело, княженецкое;
А наше дело посольское:
Недосуг нам долго чваниться,
Во баенке долго нам париться;
Я приехал об добром деле — об сватанье
На твоей любимыя на дочери.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу — с дочерью подумаю.

Приходит он ко дочери возлюбленной:
— Ты ей же, дочь моя возлюбленна!

Приехал есть посол земли Ляховицкия
Об добром деле — об сватанье
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?

Говорит как дочь ему возлюбленна:
— Ты ей, государь мой родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по-женскому;
Перески тоненьки — все по-женскому;
Где жуковинья были — тут место знать.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу посла да поотведаю.

Приходит ко Василью Микуличу,
Сам говорил таково слово:
— Молодой Василий Микулич-де!
Не угодно ль после парной тебе баенки
Отдохнуть во ложни во теплыя?
— Это после байны не худо бы!

Как шел он во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился, где ногам быть,
А ногами ложился на подушечку.
Как шел туда Владимир стольно-киевский,
Посмотрел во ложню во теплую:
Есть широкия плеча богатырския.

Говорит посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де:
— Я приехал о добром деле — об сватанье
На твоей любимыя на дочери;
Что же ты со мной будешь делати?

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я пойду — с дочерью подумаю. —

Приходит ко дочери возлюбленной:
— Ай же, дочь моя возлюбленна!
Приехал посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де,
За добрым делом — за сватаньем
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:
— Ты ей, государь родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу посла да поотведаю.

— Ах ты молодой Василий Микулич-де!
Не угодно ли с моими дворянами потешиться,
Сходить с ними на широкий двор,
Стрелять в колечко золоченое,
Во тоя в острии ножевыя,
Расколоть-то стрелочку надвое,
Чтоб были мерою равненьки и весом равны?

Стал стрелять стрелок перво князевый:
Первый раз стрелил он — не дострелил,
Другой раз стрелил он — перестрелил,
Третий раз стрелил он — не попал.
Как стал стрелять Василий Микулич-де,
Натягивал скоренько свой тугой лук,
Налагает стрелочку каленую,
Стрелял в колечко золоченое,
Во тоя острие во ножевое,
Расколол он стрелочку надвое,
Они мерою равненьки и весом равны,
Сам говорит таково слово:
— Солнышко Владимир стольно-киевский!
Я приехал об добром деле — об сватанье
На твоей на любимыя на дочери;
Что же ты со мной будешь делати? —

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Я схожу-пойду — с дочерью подумаю.

Приходит к дочери возлюбленной:
— Ай же ты, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич-де,
Об добром деле — об сватанье
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?

Говорила дочь ему возлюбленна:
— Что у тебя, батюшко, на разуме:
Выдаешь ты девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по-женскому;
Перески тоненьки — все по-женскому;
Где жуковинья были — тут место знать.

— Я схожу посла поотведаю.

Он приходит к Василью Микуличу,
Сам говорит таково слово:
— Молодой Василий Микулич-де,
Не угодно ли тебе с моими боярами потешиться,
На широком дворе поборотися?

Как вышли они на широкий двор,
Как молодой Василий Микулич-де
Того схватил в руку, того в другую,
Третьего склеснет в середочку,
По трое за раз он наземь ложил,
Которых положит — тьи с места не стают.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Ты молодой Василий Микулич-де!
Украти-ко свое сердце богатырское,
Оставь людей хоть нам на семена! —

Говорил Василий Микулич-де:
— Я приехал о добром деле — об сватанье
На твоей любимыя на дочери;
Буде с чести не дашь, возьму нё с чести *,
А не с чести возьму — тебе бок набью!

Не пошел больше к дочери спрашивать,
Стал он дочь свою просватывать.

Пир идет у них по третий день,
Сего дня им идти к божьей церкви.
Закручинился Василий, запечалился.
Говорил Владимир стольно-киевский:
— Что же ты, Василий, не весел есть?

Говорит Василий Микулич-де:
— Что буде на разуме не весело:
Либо батюшко мой помер есть,
Либо матушка моя померла.
Нет ли у тебя загусельщиков,
Поиграть во гусельшка яровчаты?

Как повыпустили они загусельщиков,
Все они играют, все не весело.

— Нет ли у тя молодых затюремщиков? —
Повыпустили молодых затюремщиков,
Все они играют, все не весело.

Говорит Василий Микулич-де:
— Я слышал от родителя от батюшка,
Что посажен наш Ставер сын Гоудинович
У тебя во погреба глубокие:
Он горазд играть в гусельшки яровчаты.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Мне повыпустить Ставра —
Мне не видеть Ставра;

А не выпустить Ставра —
Так разгневить посла! —
А не смеет посла он поразгневати —
Повыпустил он Ставра он из погребца.
Он стал играть в гусельшки яровчаты —
Развеселился Василий Микулич-де...

Говорил Василий Микулич-де:
— Солнышко Владимир стольно-киевский!
Спусти-ка Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрые!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Мне спустить Ставра — не видать Ставра,
Не спустить Ставра — разгневить посла! —
А не смеет он посла да поразгневати
Он спустил Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинушки хоробрыя.

Приехали они ко белу шатру,
Зашел Василий в хорош-бел шатер,
Снимал с себя платье молодецкое,
Одел на себя платье женское,
Сам говорил таково слово:
— Теперича, Ставер, меня знаешь ли?

Говорит Ставер сын Годинович:
— Молода Василиста дочь Микулична!
Уедем мы во землю Политовскую! *

Говорит Василиста дочь Микулична:
— Не есть хвала добру молодцу,
Тебе, воровски из Киева уехати,
Поедем-ка свадьбу доигрывать!

Приехали ко солнышку Владимиру,
Сели за столы за дубовые.
Говорил Василий Микулич-де:

— Солнышко Владимир стольно-киевский!
За что был засажен Ставер сын Гоудинович
У тебя во погреба глубокие?

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Похвастал он своей молодой женой,
Что князей-бояр всех повыманит,
Меня, солнышка Владимира, с ума сведет.

— Ай ты ей, Владимир стольно-киевский!
А нынче что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину,
За меня, Василисту за Микуличну?

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло;
Повесил свою буйну голову,
Сам говорил таково слово:
— Молодой Ставер сын Гоудинович!
За твою великую за похвальбу
Торгуй во нашем городе во Киеве,
Во Киеве во граде век беспошлинно!

Поехали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.

Тут век про Ставра старину поют
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье.

* * *

В замысле былины нет намерения противопоставить боярина Ставра князю Владимиру, потому что и сам Ставр введен в заблуждение хитрой женой. Настоящей героиней былины стала, без сомнения, именно жена Ставра. Певцы выразили насмешливое отношение народа к государственным верхам.

Ставр — лицо историческое. В летописи про него сказано, что в 1118 году киевский князь Владимир Мономах «разгневался» на него

и других новгородцев — «заточи я вся», посадил в темницу их всех. «При исторически известных неприязненных отношениях Новгорода к Киеву, — писал ученый Вс. Миллер, — крутой поступок князя (каким был в 1118 году Владимир Мономах) с новгородским именитым гражданином должен был задеть за живое новгородский патриотизм и мог послужить стимулом к сложению рассказа или песни, в которой киевский князь Владимир получил нелестную для него роль» (Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I, М., 1897, стр. 278—279).

Из тоя из земли Ляховицкия... — Ляховицкой землей в эпосе часто называется вообще враждебная Киеву земля.

Возьму не с чести... — силой.

Земля Политовская — сравнительно поздно проникшее в эпос именование северо-западных русских земель, находившихся под властью литовских феодалов в XIII—XV веках.

САДКО

В славном в Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость.

А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.

Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.

Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.

Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильмени со озера,
Сам говорил таковы слова:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехы за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного *
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковой невод
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь!

Пошел Садко от Ильменя от озера.
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садко на почестен пир.
Как тут Садко новгородский
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садко поपाивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастьявать:
— Ай же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень-озере!

Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:

— Не знаешь ты чуда-чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы — золоты перья.

— Ай же вы, купцы новгородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного.

Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро.

Закинули тоньку * в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.

Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце,
На небе месяц — и в палатах месяц,
На небе звезды — и в палатах звезды.

Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тыих мужиков новгородских
И тыих настоятелей новгородских *
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.

Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.

Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодецеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новгородские:
— Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садко ничем не похвастает?
Что у нас Садко ничем не похваляется?

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать — не похвастать бессчетной золотой казной:
На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казне,
О денежках тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.

Ставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,

А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров привезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров привезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новгородскую.
Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Еще повыкуплю товары московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский —
Побогаче меня славный Новгород».

Отдавал он настоятелям новгородским
Денежек он тридцать тысячей.

На свою бессчетну золоту казну
Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленых;

На те на корабли на черленые
Свалил товары новгородские,
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота, чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.

На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синем море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость,
Ко своей дружине ко хоробрые:
— Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
Спушайте бочку во синё море.

Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые,
А корабли нейдут с места на синем море.

Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые,
А корабли всё нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребий ко дну пойдет,
Таковому идти в сине море.

Делали жеребья вольжаны,
А сам Садко делал на красном на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море.
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжаний.

Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садко делал жеребий вольжаний.
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца — ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.

Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
Он стал именье отписывать:
Кое именье отписывал божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жене,
Остатное именье дружине хороброй.

Говорил Садко-купец, богатый гость:
— Ай же братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игривати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?

Взимает он гуселки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
— Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не столь мне страшно принять смерть на синем море.

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.

Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великие
Заснул на дощечке на дубовой.

Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,

Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садко: во синем море
Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя как куча сённая.
Говорит царь таковы слова:
— Ай же ты, Садко-купец, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты;
Поиграй же мне в гуселки яровчаты.

Как начал играть Садко в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садко сутки, играл и другие
Да играл еще Садко и третии —
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гибнуть именицев,
Стало много тонуть людей праведных.

Как стал народ молиться Миколу Можайскому,
Как тронуло Садка в плечо во правое:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Полно играть в гусельшки яровчаты! —
Обернулся, глядит Садко новгородский:
Ажно стоит старик седатый.
Говорил Садко новгородский:
— У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты.

Говорит старик таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.

Скажи: «У меня струночек не случилось,
А шпенечков не пригодилось,
Не во что больше играть,
Приломались гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Позади идет девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Бери тую Чернаву за себя замуж...
Будешь, Садко, во Нове-граде.
А на свою бессчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколе Можайскому.

Садко струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
— Ай же ты, Садко новгородский!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?
— У меня струночки во гуселках выдернулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилось,
А шпенечков не пригодилось.

Говорит царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке? —
Говорит ему Садко новгородский:

— У меня воля не своя во синем море. —
Опять говорит царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу.

Вставал Садко поутру ранешенько,
Поглядит: идет триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Черनावушка,
Брал тую Чернаву за себя замуж.

Как прошел у них столованье почестен пир.
Как ложился спать Садко во первую ночь,
Как проснулся Садко во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит — ажно бегут
Его черленые корабли по Волхову.

Поминает жена Садка * со дружиной во синем море:
— Не бывать Садку со синя моря! —
А дружина поминает одного Садка:
— Остался Садко во синем море!

А Садко стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
— Остался Садко во синем море,
Очутился впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!

Встретил Садко дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена здравовалася,
Брала Садка за белы́ руки,
Целовала во уста во сахарные.

Начал Садко выгружать со черленых со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленых кораблей,
Состроил церкву соборную Миколе Можайскому.

Не стал больше ездить Садко на сине море,
Стал поживать Садко во Нове-граде.

* * *

В былине легко выделить три части: первая — Садко получает за игру на гусях от морского царя богатство; вторая — спор Садко-купца с Новгородом; третья — поездка Садко за море. Первая часть может быть сопоставлена со второй, так как в первой Садко выигрывает спор, а во второй проигрывает. Садко удачлив как гусяр, но Садко-пупец, возомнивший, что он сильнее самого Новгорода, побежден. Становится ясной мысль певцов: их симпатии на стороне бедного гусяра, но богач Садко, замахнувшийся на славу великого города Руси, должен признать свое поражение. В третьей части Садко возвращается в Новгород: он не променял родины на несметные богатства, на женитьбу на дочери морского царя. Из всех представших перед ним невест Садко выбрал Черनावушку и оказался в Новгороде.

Былина исполнена величавой сказочной поэзии. Морской царь пляшет — и на море начинается буря. Тайственная морская пучина, далекие плавания, шумный торг в Новгороде, строительство соборной церкви в честь святого Николая — Миколы, который слыл в народе помощником на водах, игра гусяров на пирах — перед нами предстает смесь вымысла и исторических фактов из жизни древнего Новгорода.

Лавки товара красного... — лавки с тканями.

Закинули тоньку... — Тонька — одна закидка невода, залов.

И тихх настоятелей новгородских... — Настоятель — старший, начальник. О каких настоятелях по имени Фома Назарьев и Лука Зиновьев идет речь, остается неизвестным.

Поминает жена Садка... — У Садка есть жена, но он женится еще и на Черनावушке. К этому его принудил морской царь, но вторая женитьба оказывается мнимой.

ВАВИЛА И СКОМОРОХИ

У честной вдовы да у Ненилы
А у ней было чадо Вавила.

А поехал Вавилушка на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати:
Родну матушку свою хочет кормити.

А ко той вдове да ко Нениле
Пришли люди к ней веселые,
Веселые люди, не простые,
Не простые люди — скоморохи.
— Уж ты здравствуешь, честная вдова Ненила!
У тебя где чадо да ныне Вавила?

— А уехал Вавилушка на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати:
Родну матушку хочет кормити. —
Говорят как те ведь скоморохи:
— Мы пойдем к Вавилушке на ниву,
Он не идет ли с нами скоморошить?

А пошли скоморохи к Вавилушке на ниву:
— Уж ты здравствуешь, чадо Вавила,
Тебе дай бог нивушку орати.
Еще белую пшеницу засевати,
Родну матушку тебе кормити.

— Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куда пошли да по дороге?

— Мы пошли на инищее царство *
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,

Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавила, с нами скоморошить.

Говорило тут чадо Вавила:
— Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазден.

Говорил Кузьма да со Демьяном:
— Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
У того ведь чада у Вавилы
А было в руках-то понукальце,
А и стало тут ведь погудальце;
Еще были в руках да тут ведь вожжи,
Еще стали шелковые струнки.
Еще то чадо да тут Вавила
Видит: люди тут да не простые,
Не простые люди-то, святые;
Он походит с ними да скоморошить.

Он повел их да ведь домой же.
Еще тут честна вдова да тут Ненила
Еще стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы-то ржаные —
А и стали хлебы-то пшеничны;
Понесла она курицу варёну —
Еще курица да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Еще та вдова да тут Ненила
Еще видит: люди не простые,
Не простые люди-то, святые.
Отпустила тут Вавилу скоморошить.

А идут да скоморохи по дороге,
На гумне мужик горох молотит.
— Тебе бог помочь да те, крестьянин,
На белó горох да молотити!

— Вам спасибо, люди веселые,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куда пошли да по дороге?

— Мы пошли на инищее царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.

Говорил да тут да ведь крестьянин:
— У того царя да у Собаки
А окóл двора-то тын железный,
А на каждой тут да на тычинке
По человеческой сидит головке;
А на трех ведь на тычинках
Еще нету человеческих головок,
Тут и вашим-то да быть головкам.

— Уж ты ой еси да ты, крестьянин!
Ты не мог ведь нам добра тут сдумать,
Еще лиха нам ты не сказал бы!
Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А Кузьма с Демьяном приспособил —
Полетели голубята-то стадами,
А стадами тут да табунами;
Они стали у мужика горох клевати,
— Он ведь стал их кичи́гами сшибати,
Зашибал он, думал, голубяток,
Зашибал да всех своих ребяток.

Говорил да тут да ведь крестьянин:
— Уж как тяжело тут да согрешил я!
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-то, святые!

А идут скоморохи по дороге,
А навстречу мужик едет торговати.
— Тебе бог помочь да те, крестьянин,
Ай тебе горшками торговати!

— Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи!
Вы куда пошли да по дороге?

— Мы пошли на инищее царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Прекрасу.

Говорил да тот да ведь крестьянин:
— У того царя да у Собаки
А окóл двора да тын железный,
А на каждой тут да на тычинке
По человеческой сидит головке;
А на трех-то ведь да на тычинках
Еще нету человеческих головок,
Тут и вашим-то да быть головкам.

— Уж ты ой еси да ты, крестьянин!
Ты не мог нам добра ведь сдумать,
Еще лиха нам ты не сказал бы!
Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,

А Кузьма с Демьяном припособил —
Полетели кúропцы с рябáми,
Полетели пестрúхи с чюхаря́ми,
Полетели марью́хи с косачáми.
Они стали по оглоблям-то садиться,
Он ведь стал их тут да бити
И во свой ведь воз да класти.
Наложил он их да весь возочек,
А поехал мужик да во городочек.
Становился он да во рядочек,
Развязал да он да свой возочек —
Полетели кúропцы с рябáми,
Полетели пестрúхи с чюхаря́ми,
Полетели марью́хи с косачáми.
Посмотрел ведь во своем-то он возочке,
Еще тут у него одни да черепочки.
— Ой, я тяжко тут да согрешил ведь!
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-то, святые!

А идут скоморохи по дороге,
Еще красная да тут девица
А она холсты да полоскала.
— Уж ты здравствуешь, красна девица,
Набело холсты да полоскати!

— Вам спасибо, люди веселые,
Весёлые люди, скоморохи!
Вы куда пошли да по дороге?

— Мы пошли на инищее царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.

Говорила красная девица:
— Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,

Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета
А и дочь его да Перекрасу.

— Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил,
А у той у красной у девіцы
У ней были-то холсты-то ведь холщовы,
Еще стали-то атласны да шелковы.

Говорит как красная девица:
— Тут ведь люди шли да не простые,
Не простые люди-то, святые!

А идут скоморохи по дороге,
А пришли во инищее царство.

Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек,
А во звончатый во переладец —
Еще стала вода да прибывати,
Хочет он водой их потопити.

— Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
И пошли быки-то тут стадами,
А стадами тут да табунами,
Еще стали воду упивати,
Еще стала вода да убывати.

— Заиграй, Вавила, во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособят.

Заиграл Вавила во гудочек,
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил.
Загорелось инищее царство
И сгорело с края и до края.

Посадили тут Вавилушку на царство,
Он привез ведь тут да свою мать.

* * *

Скоморохи — потешники, певцы, гуляры — подвергались гонениям: их преследовали светские и в особенности церковные власти. При всем том скоморошество просуществовало с древних времен до XVIII столетия. Скоморохи переняли у народа некоторые из былин и сами складывали песни в защиту своего искусства. Они прославляли свое занятие как нужное, «святое» дело. Одна из былин, сложенная скоморохами в свою защиту, сохранилась на Севере у крестьян, когда скоморошье искусство уже оказалось повсеместно забыто. Былина «Вавило и скоморохи» была спета северной сказительницей Марией Дмитриевной Кривополеновой. Ей мы обязаны сохранением этой быliny, которая больше ни от кого не была записана.

Мы пошли на инищее царство... — пошли в иное царство, чужую землю.

С Л О В А Р Ъ С Т А Р И Н Н Ы Х И М Е С Т Н Ы Х С Л О В

А

А ж н о — между тем, вот (с оттенком удивления).
А л и, а л ь — или.

Б

Б а́ й н а — баня.
Б а́ ч к о — отец.
Б у р н а́ с т ы й — рыже-бурый (о лилице).

В

В а л ь я́ ж н ы й — точеный, резной.
В з и м ы́ — зимой.
В л е́ т е — летом.
В о в с ю г о л о в у к р и ч а л — что есть сил.
В о́ л ь ж а н ы й — таволжанный, из дерева рода ивы.
В о с о́ б и н у — особо.
В о с т а́ т н е е — напоследок.
В ы́ р у т и т ь — выбросить, уронить, сбросить.
В ы т ь — еда.

Г

Г л у б о т а́ — глубина.
Г о с т ь — купец.
Г р и́ д н я — комната, горница.
Г у́ ж и к и, г у́ ж и — кожаные петли в хомуте, которыми с помощью дуги прикрепляют оглобли к упряжи.

Д

Д о́ л ю б и — вдоволь, сколько угодно.
Д о р о́ д н ы й — видный, красивый.

Е

Е р л ы́ к и (ярылки) — грамота, письмо.

Ж

Же́ребье — жребий.

Жи́вот — достаток, жизнь, в переносном смысле «милый».

Жуко́винье — перстень, кольцо.

З

Заго́н — пастбище, луг, огороженное место.

Зако́лбдеть — завалиться колодами, павшими деревьями.

За му́раветь — зарости травой, муравой.

За се́льщина — деревенщина, человек из глухой деревни.

За сова́ться — засуетиться.

Зау́тренняя — церковная утренняя служба.

Зеле́ное вино — хлебное вино, водка.

Зыча́ть — громко кричать.

И

Изо́бчество — отчество.

Име́нница — здесь: богатство.

К

Кали́ка — странник (от слова «кали́га» — название обуви странника); с течением времени стало равнозначно понятию калека (о слепых и увечных странниках).

Камка́ — шелковая ткань.

Ке́лья — комната монаха в монастыре.

Ко́монь — конь, лошадь.

Коса́ч — тетерев.

Кося́вчато, кося́чатый — с дощатыми косяками (об окошке, двери); косяки — стоящие части дверной и оконной рам.

Краше́йна печа́тная — ткань, холст с печатной раскраской.

Ку́ропцы — куропатки.

Л

Ло́жня — спальня.

М

Матере́ть — входить в возраст, становиться большим, сильным.

Ма́тица — центр, середина; средняя балка, на которой держится потолок.

Ма́рьюха — глухарь (самка).

Ме́жу — между.

Ме́тать — бросать, кидать.

Ме́х — мешок.

Му́жевя — мужья.

Н

Наго́нено — нагнано.

Нажа́деться — испытывать, чувствовать жажду.

На и п а́ че — особенно, всего более.

На к и́ нуть службу — дать поручение, приказать исполнить что-либо.

На к о́ н — раз, прием, черед.

На к р у́ т ь с я — одеться, от слова «крута» — одежда.

На п я т у́ — широко, сколько позволяет распахивать двери.

На́ что — зачем.

Не в о́ ля — здесь: вынужденное обстоятельство.

Не к о п и́ т ь — здесь: не держать, не собирать.

Не к у п л и́ с ь — не купайся.

Не л е́ г ч е н ь и́ — нескопленный, от слова «легчить» — холостить, скопить.

Не м о ж ь — не можешь.

Не о́ б р а н ь и́ — непаханый.

Не р о в н о́ — а если.

Не с т а ю́ т — не встают.

Не т о́ щ и т ь с я — не истощаться.

Не х о ш ь — не хочешь.

Н о́ не — теперь.

О

Об е́ денка — обедня, церковная служба после утрени, литургия.

Об ж и — оглобли у сохи.

Об о л о к о — облако.

О к о́ л е н к а — оконная рама.

О м е́ ш и к — сошник, заостренный конец сохи.

О п о́ ч и в — сон; о п о́ ч и в д е р ж а т ь — спать.

О р а́ т а й — пахарь.

О р а т ь — пахать.

О с л я д ь — слега, жердь.

О с у д а́ р ь — государь, господин.

О т к е́ л ь — откуда.

О т к у́ д а ш н и́ й, о т к у́ л е ш н и́ й — откуда, из каких мест.

П

П а́ б е д ь е — время, близкое к полдню.

П е р е в е́ д а т ь с я — здесь: столкнуться на поединке.

П е р е л а́ д е ц — род дудки.

П е р е п а́ т ь с я — пугаться, испугаться.

П е р е с к и́ — персты, пальцы.

П е с т р у х а — тетерка.

П е х о́ т о ю п р о х а ж и в а т ь — пешком.

П л о т — причал, помост.

П о в ы́ к и н у т ь с я — выступить вперед; здесь: поспорить.

П о г о́ д а — непогода.

П о д л ы́ г а т ь с я — лгать, подвирать.

П о д р у б и́ т ь — здесь: ровно подрезать.

Подсто́лье — место под столом.
Поеди́нщина — единоборство.
По́езд — здесь: участники свадьбы, гости, молодые, едущие к венцу.
Покля́пый — наклоненный, кривой.
Поло́н — плен, пленные.
Полу́чка — здесь: дань, подать.
Поля́ница, полéница — богатырша, богатырь; богатыри, удалцы.
Пору́шить — не сдерживать слова, нарушить (о заповеди).
По́тнички — войлок, подкладываемый под седло.
Похотéться — почувствовать стремление, пожелать себе чего-либо.
Почéстный — устроенный в честь кого-либо (от слова «почествовать» — почтить, воздать честь).
Почтó — зачем, почему.
Пречéстный — уважаемый, слывающий благочестием.
Присóщек, присóха, присóшка — подпорка у сохи для прочности.
Приужáхнуться — испугаться.
Провещáть — возвещать, провозглашать; отсюда — провещаться.
Промежу но́ги, у́ши — между ног, ушей.
Прохлажда́ться — наслаждаться (от слова «проклажать» — баловать, нежить).

Р

Разгони́ть — разогнать, согнать.
Распотéться — здесь: о сердце; равнозначно — разгореться.
Рогáчик, рогáч — рукоять у сохи.
Рождё́но дитя́тко — родное.
Рони́ть — опускать, дать упасть (о парусах).
Ры́тый бархат — с густым ворсом, пушистый.
Ря́бы — рябчики.

С

Са́харный — сладкий.
Сафья́новый, сафья́н — из козловой кожи.
Ска́тный — круглый (о жемчуге).
Скоморо́шить — жить, промышляя пением, пляской, игрой.
Скоропи́счатый — от слова «скоропись», обозначающего скорое, беглое письмо.
Сля́га, слéга — жердь, тонкое бревно.
Сму́рое сукно — самотканое, темной шерсти.
Снаря́ден двор — красивый, украшенный.
Соборна́я церковь — главная в городе или его части.
Сороко́вка — бочка в сорок ведер.
Стегно́ — бедро.
Стре́мено — стремя, в верховой конской упряжи упоры для ног.
Сту́пью, ступо́й и дти — идти тихим шагом.

Сусти́гнуть — настигнуть.

Сыть — пища, еда.

Т

Тепе́рича, топе́рича — теперь.

То́нька — здесь: улов.

Ту — тут.

Ту́литься — прятаться.

Ты́сяцкий — военачальник; здесь: главный устроитель свадьбы.

Тя, ти — тебя, тебе.

Ц

Цветное платье — не белое и не черное, а окрашенное в какой-либо другой цвет.

Целова́льник — кабатчик, здесь: вообще торговец, от слова «целовать»; кабатчик клялся — целовал крест, что будет торговать честно.

Ч

Ча́до — дитя, ребенок.

Чембу́р — поводок.

Честна́ вдова — пользующаяся почетом.

Чисто́е поле — очищенное от пней, корней, камней.

Чюха́рь, чу́харь — глухарь.

Ш

Шело́м — холм.

Шибáть, шибну́ть — ударить, кидать, метать.

Щ

Щап — щеголь.

Щёточки, щётки — пучок волос над копытным сгибом.

Э

Этая, тая — эта, та.

Ю

Ю — ее.

Я

Ярбвчаты́й — из явора, чинары.

И С Т О Ч Н И К И

(Сборники, из которых взяты напечатанные здесь былины)

1. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Изд-во Акад. наук СССР, М. — Л., 1958.

2. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. 3-й, М., 1861.

3. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Под ред. А. Е. Грузинского. Изд. 2-е, тт. I, II, М., 1909—1910.

4. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е, Т. II. Изд-во Акад. наук СССР, М. — Л., 1950.

5. Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

6. О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1922.

СОДЕРЖАНИЕ

Русский эпос. <i>В. П. Аникин</i>	3
Добрыня и Змей	8
Илья Муромец и Соловей Разбойник	18
Алеша Попович и Тугарин Змеевич	28
Михайло Данилович	37
Глеб Володъевич	47
Вольга и Микула Селянинович	55
Соловей Будимирович	63
Ставр Годинович	73
Садко	85
Вавила и скоморохи	98
Словарь старинных и местных слов	106
Источники	111

Д Л Я С Р Е Д Н Е Й Ш К О Л Ы

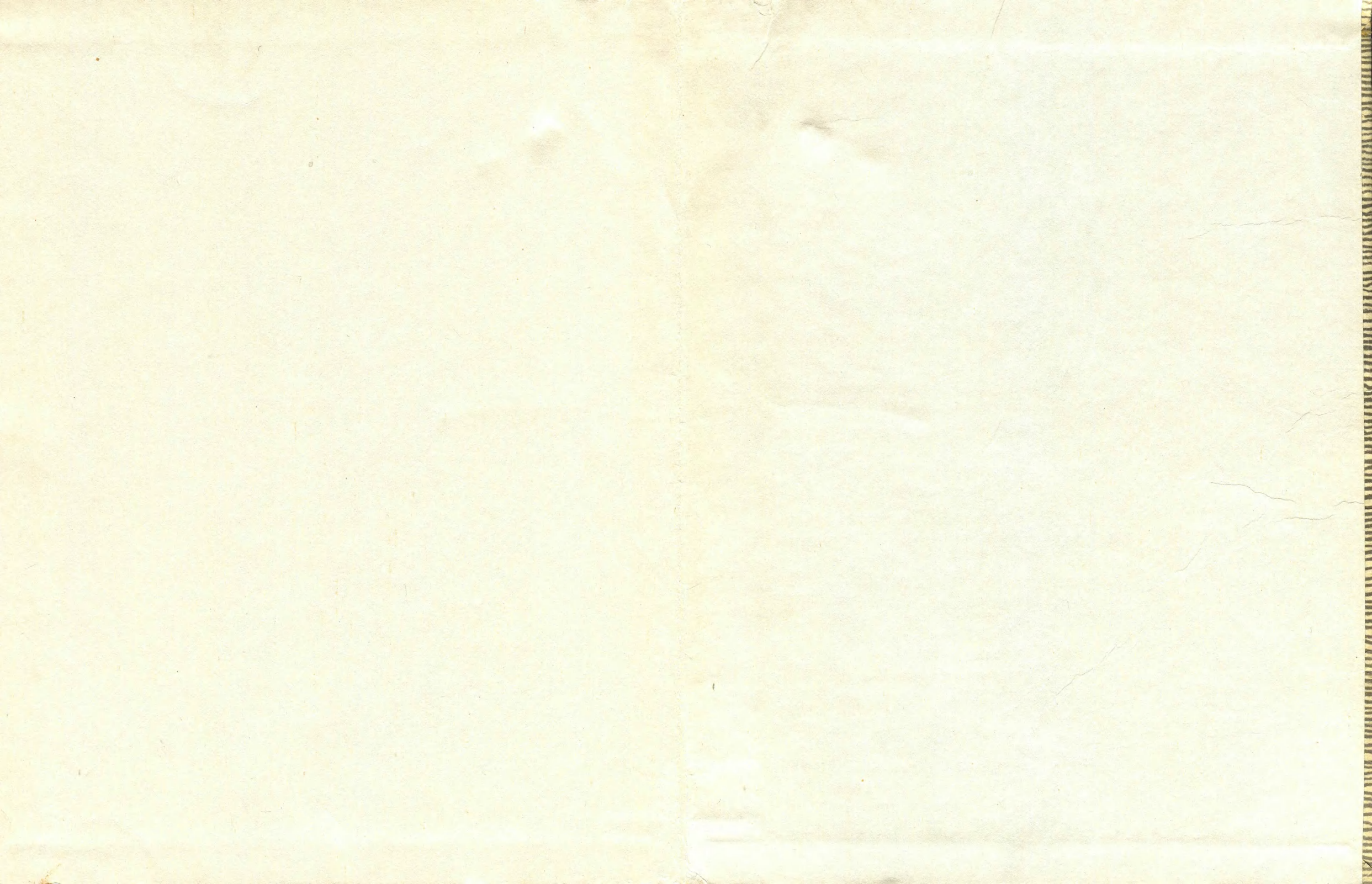
Д О Б Р Ы Н Я И З М Е Й

Десять былин

Ответственный редактор *Н. В. Белякова*. Художественный редактор *Н. И. Комарова*. Технический редактор *И. Я. Колодная*. Корректор *Н. А. Сафронова*. Подписано к печати с диапозитивов 9/IV 1976 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 2. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19. Уч.-изд. л. 6,01. Тираж 600 000 (1—300 000) экз. Заказ № 180. Цена 35 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

A decorative border with a repeating red and white pattern, featuring stylized floral and geometric motifs, surrounds a central yellow rectangular area. The border is composed of a red outer line and a white inner line, with small red and white shapes interspersed between them. The top-left and bottom-left corners of the border feature larger, more detailed floral designs. The background of the page is a textured, light-colored material with a wavy pattern.

Цена 35 коп.

ЩЕДРЫНЯ И ЗМЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»